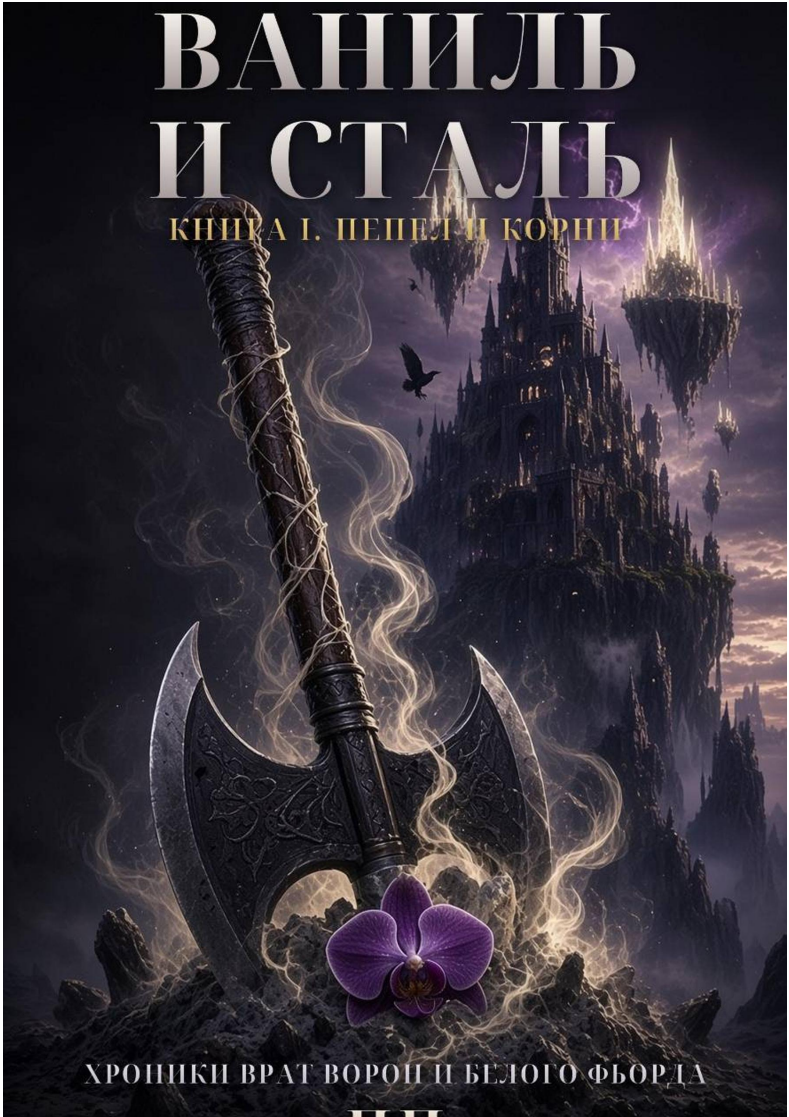
ВАНИЛЬ И СТАЛЬ

КНИГА I. ПЕПЕЛ И КОРНИ

ХРОНИКИ ВРАТ ВОРОН И БЕЛОГО ФЬОРДА

Павел Попов

Ваниль и Сталь. Книга I. Пепел и Корни

https://litres.ru/74721934
SelfPub; 2026

Аннотация

Во Вратах Ворон убит эльфийский посол, и единственная улика в его спальне — тонкий шлейф ванили. Так в городе пахнет только Хельга: наёмница с двуручной секирой, ледяными изумрудными глазами, болезненной любовью к порядку и без единого воспоминания о том, кем она была три года назад.

Тайная стража даёт ей сутки, чтобы найти того, кто подписался её запахом. След ведёт из прокопчённых Нижних Котлов в Бездну Корней, к грибным лесам, где фиолетовый свет отнимает волю, и к парящим островам высших эльфов. И чем ближе разгадка, тем яснее, что убийца знает о Хельге больше, чем она сама.

Тёмное фэнтези о стали, ванили и цене привязанности — с острым юмором и компанией, которую Хельга себе не выбирала.

Содержание

ЧАСТЬ I 6
Глава 1 6
Утро перфекционистки и симметрия стали 8
Гипноз в общем зале и железный блок 15
Капкан для дознавателя и ультиматум Совета 19
Дыхание каменного исполина 24
Мелочи, которые не видит стража 29
Глава 2 38
Лёд на чёрном бархате 39
Спуск в Нижние Котлы 45
Лавка тысячи отговорок и искусство лести 49
«Слепой Горн» и человек в мешке 59
Танец тёмной стали и плут под градусом 64
Глава 3 75
Спор о высоком искусстве и карета с гербом 76
Исцеляющие руки и прищур каймана 82
Дама сердца из мусорной кучи и врата Бездны 90
Кровь на чёрном камне и тайна на дне сумки 94
Глава 4 103
Холодный металл и шёпот под кожей 104
Бездна Корней и чужие следы в фосфорном свете 111
Бег по лезвию и стальная жатва 117

Торнадо в логове Матки и жертва во имя любви 124
Глава 5 133
Кузнечный Бастион и оскорблённая эстетика 134
Мёртвая вахта и вторая капсула 138
Конец ознакомительного фрагмента. 141

Павел Попов
Ваниль и Сталь. Книга I. Пепел и Корни

ЧАСТЬ I
АРОМАТ ЧУЖОЙ СМЕРТИ

Глава 1
Пыль на чёрных сапогах и пепел орхидеи

Утро перфекционистки и симметрия стали

Рассвет во Вратах Ворон всегда пах тремя вещами: речной сыростью великой Велги, свежим ржаным солодом из пекарен полурослико в и раскалённым углём гномьих кузниц, чей дым поднимался из предгорий на севере.

Но в угловую комнату на верхнем этаже постоялого двора «Серебряный Шпиль» эти уличные запахи не смели проникать. Здесь царил другой закон — закон идеального, почти пугающего порядка.

Хельга проснулась за полчаса до того, как первые лучи солнца коснулись витражных шпилей Верхнего города. Первым делом, ещё не притронувшись к кувшину с водой, она заправила постель: натянула грубое льняное покрывало так туго, что об него можно было бы звенеть монетой, выровняла подушки строго параллельно изголовью и переставила свои запасные сапоги у порога так, чтобы их носки смотрели под прямым углом к дубовому плинтусу. Хаос этого мира раздражал её физически, вызывая зуд под кожей; лишь там, где вещи знали своё место, её разум оставался холодным и острым, как клинок.

Сейчас она стояла перед высоким ростовым зеркалом в раме из морёного дуба, потемневшего от времени.

На ней была привычная дорожная одежда, сшитая на заказ у лучших кожевников Нижнего ряда: глухая матово-чёрная водолазка из тонкой эластичной шерсти мериноса, мягко облегающая плечи и тонкую талию, и плотные чёрные лосины из выделанной кожи сумеречного оленя, подчёркивающие невероятно длинные, стройные ноги. На ногах сидели высокие кожаные ботинки на устойчивом каблуке, начищенные до такого зеркального блеска, что в них отражались половицы.

Она медленно провела костяным гребнем по своим волосам — густым, идеально прямым, цвета воронова крыла. Разделённые ровным пробором, они свободно струились ниже плеч, отливая в утреннем полумраке холодным шёлковым глянцем. Из зеркала на неё смотрело точёное лицо с высокими аристократичными скулами, аккуратным прямым носом и полными, чувственными губами. А из-под чётких тёмных бровей светились спокойные, глубокие зелёные глаза — чистые и холодные, как горный изумруд подо льдом.

Отложив гребень ровно на три пальца правее шкатулки, Хельга взяла в руки кусок замши, пропитанный оружейным маслом, и повернулась к своей главной спутнице.

У стены стояла двуручная боевая секира. Выкованная мастерами Хребта Вечной Зимы из тёмного метеоритного железа, она была почти в рост самой девушки. Широкое полулунное лезвие с двойной заточкой весило столько, что иной плечистый стражник с трудом отрывал его от земли двумя

руками. Но когда тонкие пальцы Хельги сомкнулись на древке, она подняла чудовищное оружие одной кистью — легко, плавно, без малейшего напряжения в хрупких плечах.

Она сама не знала, откуда в её теле взялась эта пугающая лёгкость. Три года назад, когда пастухи нашли её без сознания на границе туманных Бледных Рубежей, она не помнила ничего, кроме своего имени и того, как держать удар. С тех пор в моменты сосредоточенности или опасности внутри её груди словно просыпалась невидимая упругая пружина — скрытая кинетика, передававшаяся через ладони прямо в металл. Стоило ей провести замшей по кромке лезвия, как в тёмной стали на миг проступили едва заметные белёсые прожилки, похожие на корни спящего растения, и тут же погасли.

И вдруг взгляд её зелёных глаз замер.

Чистота комнаты была осквернена.

На светлом домотканом ковре у изножья кровати, прямо поверх геометрического узора, лежали двадцать три крошечных комочка сырого чернозёма, сухой капустный лист и огрызок копчёной колбасы.

Хельга медленно опустила секиру к ноге, заложила свободную ладонь за пояс и слегка скрестила ноги в той самой обманчиво расслабленной позе, которая не предвещала ничего хорошего.

— У тебя есть ровно десять секунд, чтобы объяснить, почему на моём ковре открылся филиал городского огорода,

— негромко произнесла она, и в уголках её губ проступила опасная ироничная полуулыбка. — Время пошло, Картошка.

Из глубокой кожаной сумы, стоявшей на табурете в углу, послышалось возмущённое сопение, шорох пергаментных карт и глухой стук опрокинутой склянки. Спустя мгновение откидной клапан сумки приподнялся, и наружу выбралось существо, способное довести до нервного срыва любого учёного Академии Био-Эфира.

Это был клубень. Упитанный, ладный, размером с крупный мужской кулак, покрытый золотисто-бурой кожурой с парой симпатичных родинок-глазков. Вместо обычных ростков по бокам у него росли удивительно подвижные, цепкие корешки-руки с пятью тонкими отростками-пальцами на каждой, а снизу — пара коренастых корневых ножек. На макушке клубня лихо торчал крошечный зелёный чубчик из двух молодых листиков, а два блестящих чёрных глазка-бусинки смотрели на мир с выражением бесконечного интеллектуального превосходства.

Клубень встал на краю сумки, упёр корешки в бока — при этом с его левого бока отвалился ещё один увесистый шматок сухой глины и звонко шлёпнулся на чистый пол — и оскорблённо вздёрнул подбородок.

— Сколько раз мне повторять для тех, кто слишком долго полирует свои железки по утрам?! — пропищал он звонким, скрипучим, но полным аристократического апломба голосом. *— Не «Картошка»! Картошка — это безмозглые*

овощи, которые варят в мундире в котлах внизу! А перед тобой — Его Корнеплодное Высочество, Барон Корнеплод! Можно просто «милорд», я сегодня в благодушном расположении духа.

— Милорд сейчас полетит в окно четвёртого этажа прямо в бочку с дождевой водой, если не уберёт за собой этот свинарник, — холодно парировала Хельга, делая плавный шаг к сумке. — Где ты вообще нашёл сырую землю на четвёртом этаже каменного дома, Картошечка?

От ласкового слова «Картошечка» клубень аж подпрыгнул на месте, отчего с него посыпалась мелкая пыль.

— *Не смей называть меня этим пошлым уменьшительно-ласкательным словом!* — заверещал он, размахивая корешками. — *А грунт я позаимствовал на подоконнике в коридоре! Там у этого жлоба-трактирщика росла герань. Зачем ему герань, скажи на милость? У неё же ни мозгов, ни чувства юмора! Я просто провёл экспроприацию минералов! Ты что, хочешь, чтобы я засох в твоей стерильной операционной?! У тебя тут так чисто, что даже пылевые клещи помирают от депрессии на подлёте к двери!*

Хельга невольно вздохнула, чувствуя, как от этого нелепого зрелища — крошечного грязного клубня, читающего ей нотации о дизайне интерьера, — её раздражение начинает таять. А вместе с этой тёплой волной в груди шевельнулся симбионт.

Воздух в комнате мгновенно изменился. Сквозь прохладу

утра поплыл тонкий, густым облаком манящий аромат сладкой цветущей ванили. Он исходил от кожи Хельги, от её запястий и воротника, окутывая её невидимым шлейфом.

Барон Корнеплод тут же шумно втянул воздух и картинно схватился корешками за голову:

— О, началось! Вызывайте пожарных, наша булочка с ванилью снова разогрелась! Хельга, клянусь Великой Грядкой, когда-нибудь этот твой кондитерский дурман сведёт нас в могилу. Мы наёмники или передвижная лавка с пирожными?!

— Замолчи и вытри лапы, — Хельга подошла к табурету, но прежде чем она успела взять клубня, снаружи, на лестничной площадке третьего этажа, раздался тяжёлый, размеренный топот нескольких пар подкованных сапог и сухой перезвон рунных кандалов.

Улыбка мгновенно исчезла с губ Хельги. Её зелёные глаза сузились, превратившись в две узкие изумрудные щели.

— Кого это принесло в такую рань? — насторожился Барон Корнеплод, мгновенно меняя тон с балаганного на деловой и ловко запрыгивая по её рукаву прямо в глубокий нагрудный отсек перевязи, скрытый под складкой чёрной куртки. *— Судя по тому, как скрипят половицы, эти ребята плотно завтракали казённым мясом. Только не говори, что ты вчера опять кому-то сломала челюсть за криво висящую вывеску! Я же говорил, давай не будем пить в «Гнилом Якоре», теперь нас точно вздёрнут!*

— Вчера я весь вечер пришивала пуговицы к твоей попоне, неблагодарный ты корень, — тихо ответила Хельга, одним слитным, отточенным движением забрасывая огромную секиру в магнитные петли за спиной и направляясь к двери. — Сиди тихо и не высовывайся. Кажется, у нас гости из Верхнего города.

Гипноз в общем зале и железный блок

Общий зал «Серебряного Шпиля» в этот ранний час был залит густым янтарным светом масляных ламп и пах жареным беконом, мокрыми плащами и старым дубом. Это было место, где сходились все торговые пути Срединного Тракта: за длинными столами у очага шумно завтракали кряжистые северные гномы-Кхалдары, чьи рыжие бороды были заплетены в косы с вплетёнными медными кольцами; у окна негромко переговаривались двое городских гоблинов из алхимического синдиката в чистых жилетах и очках с двойными линзами на длинных ушах; а за стойкой летал, словно пухлый шмель, хозяин таверны — полурослик Брамс.

Но стоило Хельге появиться на верхней площадке лестницы, как гул в зале начал затихать, словно натолкнувшись на невидимую стену.

Она спускалась по ступеням неторопливо, и каждый её шаг был образцом абсолютной, гипнотической пластики. Тёмный металл огромной двуручной секиры за её спиной покачивался в такт плавному движению бёдер, а прямые чёрные волосы скользили по плечам живым шёлком.

Молодой купеческий сын за центральным столом замер с куском хлеба в руке, не в силах оторвать взгляда от её

точёной фигуры в облегающем чёрном одеянии. За соседним столиком статная женщина-следопыт из южных префектур, поправлявшая тетиву лука, медленно подняла голову: её взгляд встретился с пронзительными зелёными глазами Хельги, скользнул по изгибу её полных губ, и женщина невольно закусила губу, провожая северянку долгим, заворожённым взглядом, когда мимо неё потянулся тёплый, будоражащий шлейф сладкой ванили.

В Хельгу влюблялись мгновенно, безоглядно и опасно — как влюбляются в красивый клинок или в ночной костёр посреди ледяной пустоши.

И сама она прекрасно знала об этом. Глубоко внутри её сознания ещё три года назад выросла глухая, непробиваемая ледяная стена: «Никаких чувств. Никаких привязанностей. Тот, кто впускает кого-то в своё сердце, сам протягивает врагу рукоять ножа». Она не позволяла себе даже мысли о близости, но чужую слабость перед её красотой использовала хладнокровно и расчётливо — как отмычку к любым закрытым дверям.

Из-под ворота её куртки донёсся едва слышный, ехидный смешок Барона Корнеплода:

— Ох, держите меня семеро, сейчас этот купеческий сынок упадёт лицом прямо в овсянку! Знаешь, Хельга, смотреть, как ты разбиваешь сердца одним поворотом шеи — это почти так же весело, как смотреть на пожар в налоговой управе. Главное, смотри не споткнись со своей секирой,

а то весь образ роковой богини пойдёт прахом!

«Ещё одно слово, Картошка, и на завтрак у Брамса будет пюре», — мысленно пообещала ему Хельга, подходя к барной стойке.

Полурослик Брамс, стоявший на специальной дубовой скамеечке, чтобы доставать до кранов с элем, при виде постоялицы выронил полотенце.

— Доброе утро, госпожа Хельга! — затараторил он, нервно поправляя фартук. — Я клянусь, коридор сегодня подметали дважды! И половик у вашей двери выбили! Только вот горшок с моей любимой геранью на третьем этаже почему-то оказался наполовину пустым… ума не приложу, кому понадобилось воровать землю из-под цветов!

В кармане на груди Хельги кто-то подозрительно икнул и затаил дыхание.

Хельга не моргнула и глазом. Вместо ответа её зелёные глаза остановились на трёх медных пивных кружках на полке позади полуслика и на крошечном влажном кольце от пены на краю стойки. Не говоря ни слова, она взяла чистую салфетку, вытерла пятно, а затем протянула длинные пальцы и повернула среднюю кружку ручкой строго влево — в одну линию с остальными двумя.

— Герань не любит сквозняков, Брамс. Переставь горшок к южному окну, — ровным, бархатным голосом произнесла она, опираясь бедром о стойку. — А теперь скажи мне, почему у твоего заднего алькова стоят двое оперативников

Тайной Стражи в дорожных плащах и делают вид, что изучают меню?

Полурослик испуганно покосился на дальний угол зала, скрытый за тяжёлой бархатной портьерой винного цвета, и понизил голос до шёпота:

— Пришли полчаса назад, госпожа Хельга. С ними сам старший дознаватель Верхнего города — капитан Маркус Вейл. Спросил ваш номер, но подниматься не стал, велел ждать здесь. Выглядит так, будто всю ночь гонял призраков по Бледным Рубежам. Вы ведь… вы ведь не станете вынимать секиру в моём зале? Мне прошлый раз столяр за новые столы тридцать серебряных насчитал!

— Если они не будут крошить хлеб на пол — столы останутся целы, — в уголках её губ мелькнула лёгкая полуулыбка, и она направилась к портьере.

Капкан для дознавателя и ультиматум Совета

За плотной тканью алькова было прохладно и тихо. На столе из тёмного ореха горела всего одна масляная лампа, бросавшая резкие тени на лицо мужчины, сидевшего спиной к глухой стене.

Капитану Маркусу Вейлу было около тридцати пяти. Широкие плечи под серым сукном мундира Тайной Стражи с серебряными воронами на петлицах, коротко стриженные тёмные волосы, жёсткая складка у рта и трёхдневная щетина на волевом подбородке. На столе перед ним лежали тяжёлые рунные кандалы из чернёного серебра — такие надевали только на боевых магов или особо опасных убийц, — а рядом покоился кожаный футляр с багровой сургучной печатью Высшего Совета Врат Ворон. Двое его подручных с короткими городскими арбалетами у пояса стояли по бокам от входа.

Когда Хельга откинула портьеру и шагнула внутрь, Вейл поднял на неё тяжёлый, давящий взгляд сыщика, привыкшего, что люди под этим взглядом начинают оправдываться ещё до первого вопроса.

— Наёмница Хельга с Севера, — отрывисто бросил он, не вставая. — Мои люди передали трактирщику сигнал де-

сять минут назад. Я не люблю ждать. Садись напротив и руки держи на виду, подальше от древка своей игрушки.

Хельга не села.

Вместо этого она медленно, с грацией пантеры, вышедшей на залитую солнцем поляну, обошла дубовый стол и остановилась вплотную к креслу капитана.

Один из оперативников у стены дёрнулся было вперёд, но Хельга лишь скользнула по нему холодным изумрудным взглядом, и стражник замер на полушаге.

Она сняла с плеча массивную двуручную секиру и с глухим, весомым стуком опустила её плашмя на край стола — так, что полированное лезвие легло прямо между кандалами и рукой Вейла. А затем чуть наклонилась к самому его лицу. Прядь её глянцевых чёрных волос соскользнула с плеча, едва не коснувшись его щеки, а густой, тёплый, кружащий голову аромат сладкой ванили накрыл дознавателя с головой.

Вейл затаил дыхание. Вблизи её зелёные глаза казались бездонными омутами, а лёгкая полуулыбка на полных губах обещала одновременно и райское блаженство, и быструю смерть.

— Когда мужчина приглашает даму за закрытую портьеру в семь утра, Маркус, обычно он предлагает ей кофе со сливками, а не серебряные браслеты, — негромко, грудным шелестящим голосом произнесла Хельга. Она медленно протянула руку в тонкой чёрной перчатке и двумя пальцами аккуратно поправила сбившийся воротник его серого мунди-

ра, задержав ладонь у его шеи ровно на секунду дольше, чем требовалось. — И у тебя криво пришита верхняя пуговица. Куда смотрит твоя хозяйка? Или лучший дознаватель столицы так занят ловлей теней, что спит один?

По скулам сурового капитана медленно поползла предательская краска. Пульс на его шее, прямо рядом с её пальцами, забился быстро и гулко. Вся его заранее заготовленная жёсткость разлетелась вдребезги о её ледяное спокойствие и дурманящую близость.

За пазухой у Хельги Барон Корнеплод беззвучно трясся от смеха, уткнувшись лицом в подкладку куртки, чтобы не выдать себя фырканьем.

Добившись нужного эффекта, Хельга плавно выпрямилась, перешла на другую сторону стола и изящно опустилась на деревянную скамью, закинув ногу на ногу.

— Оставьте нас, — сипло приказал Вейл своим оперативникам, прокашлявшись. Когда стражники вышли за портьеру, он отпил глоток воды из кувшина, собираясь с мыслями, и посмотрел на неё уже серьёзно — хотя в глубине его глаз всё ещё тлела искра растерянного восхищения. — Зря ты играешь со мной в кошки-мышки, Хельга. Сегодня тебе не поможет ни твоя красота, ни твоя секира. Два часа назад в закрытом посольстве Небесного Свода нашли мёртвым полномочного посла воздушных эльфов лорда Иллияра.

— Воздушные эльфы живут по триста лет и умирают от собственной гордыни, — спокойно ответила она, складывая

руки на груди. — При чём здесь я?

— При том, как именно он умер, — Вейл положил ладонь на кожаный футляр с печатью Совета. — Его спальня на четвёртом этаже башни была заперта изнутри на три гномьих засова и опечатана боевым охранным контуром. Ни окна, ни двери ночью не открывались. На теле ни царапины — сердце остановилось во сне. Но когда мои люди выбили двери тараном на рассвете… — капитан подался вперёд, впиваясь взглядом в её зелёные глаза: — Вся комната посла была пропитана густым запахом сладкой ванили. Тем самым редким запахом, которым на весь Верхний и Нижний город пахнет только одна черноволосая наёмница.

Внутри Хельги что-то глухо, тревожно дрогнуло. Симбионт под сердцем отозвался коротким горячим импульсом, а Барон Корнеплод за пазухой мгновенно перестал смеяться и настороженно замер.

— Эльфийская гвардия требует твоей крови, — тихо продолжил Вейл. — Они уверены, что ты каким-то образом обошла их защиту по заказу противников торгового договора. Совет в панике: если к завтрашнему утру мы не предъявим настоящего убийцу, Парящие острова перекроют поставки левита и отзовут флот. Мне приказали доставить тебя в казематы Цитадели.

— Но кандалы всё ещё лежат на столе, — заметила Хельга, чуть наклонив голову набок. — Почему, Маркус?

Вейл криво усмехнулся, глядя на лезвие её секиры:

— Во-первых, я видел тебя в деле на Северном тракте и знаю, что ты рубишь с плеча в открытом бою, а не травишь спящих стариков в шёлковых простынях. А во-вторых… если кто-то сумел убить посла в наглухо запертой комнате и специально оставил там твой фирменный аромат, значит, этот кто-то ведёт игру против нас обоих. У меня есть двадцать четыре часа до следующего заседания Совета. Карета ждёт у заднего двора. Поедем в посольство прямо сейчас, и ты поможешь мне найти того, кто тебя подставил — или завтра утром мне придётся самому вести тебя на эшафот.

Хельга медленно поднялась из-за стола, легко, одной рукой подхватила тяжёлую секиру и закрепила её за спиной. В её зелёных глазах зажёгся холодный охотничий азарт.

— Кто-то решил воспользоваться моим запахом и нарушил порядок в моей жизни, — тихо произнесла она, поправляя чёрную перчатку на запястье. — Боюсь, Маркус, к завтрашнему утру эшафот понадобится совсем другому человеку. Веди к карете.

Дыхание каменного исполина

Карета Тайной Стражи, обитая изнутри потёртым сукном цвета вороньего крыла, мерно покачивалась на рессорах, кованных в северных кузнях Кхалдаров. За узким слюдяным окошком проплывал просыпающийся мегаполис Врата Ворон во всей своей пёстрой, шумной и противоречивой красе.

Хельга сидела на жёстком сиденье напротив капитана Маркуса Вейла, идеально выпрямив спину. Даже в тряском экипаже она сохраняла ту неподвижную, точёную грацию, которая заставляла Вейла то и дело переводить взгляд с дорожной папки на её лицо — на чёткую линию высоких скул, на густые прямые пряди чёрных волос, скользящие по плечах, и на спокойные, холодные зелёные глаза, смотревшие сквозь стекло на город.

А посмотреть было на что. Экипаж как раз пересекал Мост Семи Ветров, перекинутый через широкую, ленивую реку Велгу. Внизу, в молочном утреннем тумане, уже сновали пузатые речные баржи полурослико в, гружённые бочками с солёной рыбой, тюками южного хлопка и связками сушёных трав. Полурослики в ярких жилетах переругивались через борта со старьёвщиками-гоблинами, чьи узкие лодки-плоскодонки с масляными фонарями на носу жались к каменным быкам моста.

А высоко вверху, прорезая розовеющие облака, медленно

плыл караванный галеон с Парящих островов. В его днище тусклым сиреневым светом пульсировали массивные глыбы дикого левита, удерживающие многотонную махину в воздухе. С палубы небесного судна свисали шёлковые вымпелы, а ветер доносил до самой земли тонкий, мелодичный звон ветряных колоколов, которыми воздушные эльфы отмечали начало дневной вахты.

— Город сегодня как растревоженный улей, — глухо произнёс Вейл, нарушая молчание. Он нервно постукивал пальцем по кожаному футляру на коленях. — Торговые гильдии ещё не знают, что лорд Иллияр мёртв, но слухи в Верхнем квартале ползут быстрее чумы. Если к полудню Небесный Свод перекроет поставки левита, встанут все подъёмники в шахтах гномов. А если Совет выдаст тебя эльфам как одиночную наёмницу, решившую свести счёты…

— У меня нет счётов с эльфами, Маркус, — не поворачивая головы от окна, ответила Хельга. Её голос звучал ровно, почти лениво, но внутри неё мысли работали с лихорадочной чёткостью. — Месяц назад я сопровождала обоз с медикаментами для лечебниц магистра Щура на Северном тракте. Неделю назад выбивала долги из контрабандистов для речной гильдии. Я беру деньги за сталь, а не за яды под подушкой.

— Магистр Микаэль Щур? — Вейл с уважением поднял брови. Даже в голосе прожжённого сыщика при упоминании этого имени прорезалась тёплая нотка. — Ты работала на

попечителя Академии? Что ж ты сразу не сказала. Господин Щур — святой человек. В прошлом зимнем сезоне, когда в Нижних кварталах вспыхнула споровая лихорадка, он лично сутками не выходил из бараков, раздавал эликсиры за свой счёт и спас сына моего сержанта. Уж кто-кто, а он с полуслова вхож в Совет. Если дело запахнет жареным, может, попросить его замолвить за тебя словечко?

Хельга чуть заметно повела плечом.

— Я не привыкла прятаться за чужие спины, капитан. Даже за спины великих благодетелей. Имя Щура я знаю только по сургучным печатям на его аптекарских сундуках — платит его казначей вовремя, и на том спасибо. Лучше скажи мне вот что: кто именно обнаружил тело посла сегодня утром?

В это самое мгновение за пазухой её чёрной куртки началось подозрительное шевеление. Барон Корнеплод, которому категорически надоело сидеть в темноте, проделал лапками узкую щель между отворотами ткани и высунул наружу один любопытный глазок-бусинку. Увидев прямо напротив себя колени капитана стражи в сером сукне, на которых виднелось пятнышко от утреннего паштета, клубень издал беззвучное, но полное презрения фырканье, от которого по груди Хельги рассыпалась очередная порция мелких земляных крошек.

Хельга сохранила абсолютно каменное выражение лица, лишь сильнее сжав пальцами рукоять своей секиры.

— Камердинер посла, старый эльф по имени Талион, — ответил Вейл, не замечая внутренней борьбы наёмницы. — Ровно в шесть утра по солнечному хронометру он принёс лорду Иллияру кувшин тёплой ключевой воды с лепестками лунного жасмина. Постучал. Тишина. Попытался повернуть ручку — заперто изнутри на все три засова. Позвал караул, те проверили охранный контур на двери — руны горели ровным синим светом, то есть ночью никто заклинание не взламывал. Когда выбили двери тараном, Иллияр уже остыл. Лекарка из посольства сказала, что смерть наступила около трёх часов ночи.

— Три часа ночи, — задумчиво повторила Хельга, и в уголках её губ проступила та самая холодная, аналитическая полуулыбка. — Значит, между полуночью, когда посол заперся, и тремя часами ночи прошло три часа. Если бы яд или газ распылили в спальне с вечера, эльф почувствовал бы запах ванили сразу, как только вошёл в комнату, и поднял бы тревогу. А он спокойно разделся, погасил светильники и уснул. Почему запах появился только глубокой ночью, Маркус?

Вейл нахмурился, почесав щетинистый подбородок:

— Чёрт его знает… Об этом мои дознаватели не подумали. Они сразу уцепились за сам аромат. Во всём Верхнем городе только про тебя и говорят: «Та черноволосая северянка с секирой, от которой пахнет дикой ванилью».

Из-под ворота куртки Хельги раздался тихий, еле улови-

мый писк, замаскированный под скрип кожаного ремня перевязи:

— А я говорил, надо было натираться чесноком и речной тиной! Никакой романтики, зато какое алиби!

Хельга едва заметно кашлянула, перекрывая голос неугомонного клубня, когда карета со скрежетом тормозов остановилась у кованых ворот эльфийского посольства.

Мелочи, которые не видит стража

Покои лорда Иллияра на четвёртом этаже посольства не походили на обычную спальню людей. Воздушные эльфы с Архипелагов Левита ненавидели глухие каменные мешки: поэтому потолок зала уходил вверх стрельчатым стеклянным куполом, сквозь который лился мягкий дневной свет, а вдоль стен из белого полированного мрамора тянулись узкие желоба с живым серебристым мхом, поглощающим любой шум шагов.

В центре зала, на круглом возвышении, стояло широкое ложе из светлого ясеня, затянутое тончайшим полупрозрачным шёлком. Посол лежал на спине, сложив длинные бледные руки на груди.

Когда Вейл закрыл за ними расщеплённую тараном дверь, оставив гвардейцев снаружи, Хельга не бросилась сразу к кровати, как сделал бы неопытный ищейка. Она остановилась у порога, сняла со спины тяжёлую двуручную секиру, бережно прислонила её к мраморной колонне и медленно обвела помещение внимательным взглядом своих зелёных глаз.

Первым делом в нос действительно ударил запах ванили.

Густой, тягучий, сладкий. Но стоило Хельге сделать глубокий вдох, как внутри её груди — там, где с корнями её собственного сердца переплелась невидимая *Сумеречная Орхи-*

дея, — возникло острое чувство отторжения. Её собственный аромат был живым: он менялся от её дыхания, теплел, когда она злилась или двигалась в бою, и имел тонкую, едва уловимую горчинку лесного ветра. А то, чем пахло в спальне мёртвого эльфа, было плоским, приторным и мёртвым. Как нарисованный цветок в сравнении с настоящим.

— *Ну и гадость,* — тихо пробормотал Барон Корнеплод, высунув нос из кармана куртки, пока капитан Вейл отошёл к дальнему окну проверить пломбы на витражах. — *Будто взяли дешёвый тростниковый сироп, смешали с пеплом сонных поганок и прокипятили в медном тазу. Хельга, это не твоя пыльца. Тот, кто это сварил, пытался скопировать твой след по чужим рассказам. Причём рассказам кого-то, у кого явно заложен нос!*

— Тише ты, критик, — шепнула она одними губами, но про себя отметила: Корнеплод прав. Убийца не имел образца её крови или симбионта. Он лишь имитировал запах, чтобы пустить стражу по её следу. Но зачем? Кому во Вратах Ворон понадобилось убирать эльфийского дипломата и одновременно вешать это на наёмницу?

Хельга начала медленный обход спальни по часовой стрелке, ступая своими высокими чёрными ботинками совершенно бесшумно.

У туалетного столика из слоновой кости она задержалась. На серебряном подносе в идеальном эльфийском порядке лежали гребни из перламутра, флаконы с маслами и стопка

писем. И только одна деталь резанула её перфекционистский глаз: тяжёлый серебряный подсвечник на три свечи стоял чуть косо, а на белой мраморной столешнице под ним виднелся едва заметный белёсый круг — словно сюда сначала поставили что-то горячее или влажное, а потом наспех вытерли рукавом.

Хельга машинально выровняла подсвечник по линии края стола, а затем наклонилась ниже, почти касаясь мрамора прямыми чёрными прядями волос.

Две восковые свечи в канделябре были белыми и сгорели едва на четверть. А третья — центральная — выгорела до самого серебряного донца, оставив в чашечке странный, маслянистый нагар тёмного оттенка.

— Маркус, — позвала она, не оборачиваясь. — Камердинер сказал, во сколько посол погасил свет?

Вейл подошёл ближе, заглядывая через её плечо:

— В полночь. Часовые во дворе видели, как окна спальни погасли. А что?

— Две крайние свечи задули в полночь — на их фитилях ровный срез копоти, — Хельга указала тонким пальцем в чёрной перчатке на канделябр. — А центральная свеча продолжала гореть ещё три часа, пока не дошла до основания. Но почему часовые во дворе не видели её света?

Капитан нахмурился, вглядываясь в пустую чашечку подсвечника:

— Есть такие алхимические свечи слепого пламени…

Они дают тепло, но почти не дают видимого света. Их используют маги при ночном чтении, чтобы не слепить глаза. Но при чём тут…

— При том, что это не свеча для чтения, Маркус. Это часовой механизм, — зелёные глаза Хельги холодно блеснули. — Верхние три четверти свечи были из обычного пчелиного воска без запаха. Посол зажёг её вечером, потом лёг в постель, потушил крайние огни, а эту оставил тлеть как ночник. И ровно через три часа, в три пополуночи, огонёк добрался до нижнего слоя воска, в который была вплавлена капсула с сонным ядом и фальшивой ванильной отдушкой. Никто не входил в запертую комнату. Убийца просто поставил свечу в канделябр ещё днём.

Вейл медленно выдохнул, потрясённо глядя то на подсвечник, то на профиль Хельги:

— Проклятье… Мои алхимики перерыли всю постель и проверили бокалы с водой, а на сгоревший огарок даже не взглянули!

Но Хельга уже не слушала его похвалу. Она достала из ножен на поясе узкий кинжал и кончиком лезвия осторожно поддела застывший комок тёмного воска на самом дне серебряной чашечки канделябра.

Восковая корка с тихим хрустом треснула и отвалилась в сторону, обнажив то, что пряталось внутри неё — половинку лопнувшей от жара стеклянной бусины, в которой до застывания хранился жидкий концентрат яда.

И в ту же секунду дыхание Хельги перехватило.

Осколок капсулы на дне серебряной чашечки был выполнен из абсолютно чистого, густого, благородного фиолетового стекла.

Этот цвет не просто отражал утренний свет из купола — он словно втягивал его в себя, переливаясь глубоким, царственным аметистовым бархатом. На стекле не было ни гербов, ни букв, ни единой царапины. Только идеальная, первозданная фиолетовая глубина, от одного взгляда на которую в груди Хельги мгновенно разлилось сладкое, тягучее онемение.

Её зрачки расширились, затопив изумрудную радужку чернотой. Пальцы, сжимавшие рукоять кинжала, разжались сами собой. Мир вокруг — белые стены посольства, голос капитана Вейла, запах чужой смерти — растворился в тумане. Осталось только одно непреодолимое, гипнотическое желание: протянуть руку, взять этот прекрасный фиолетовый осколок, прижать его к губам и никогда больше не отпускать…

— Хельга? — голос Вейла донёсся словно сквозь толщу воды. Капитан заметил, что воительница застыла над столиком, точно соляной столп, а её рука медленно, неестественно тянется к нагару в подсвечнике, где на краю стекла ещё поблёскивала неиспарившаяся маслянистая капля смертельного яда. — Эй, ты чего побледнела? Не трогай голыми руками, если там осталась отрава!

Она не слышала. Пальцы без перчатки — она сняла правую, чтобы тоньше чувствовать баланс кинжала, — были уже в двух вершках от отравленного фиолетового края.

— *Да чтоб меня колорадский жук сожрал, опять началось!* — отчаянно взвизгнул в кармане Барон Корнеплод.

Понимая, что ещё секунда — и его ненаглядная хозяйка либо отравится насмерть, либо выдаст свою безумную слабость перед главным сыщиком города, клубень пошёл на крайние меры. Он со всего размаху вцепился своими жёсткими корешками в ткань её водолазки на груди и изо всех сил ущипнул Хельгу прямо под ребром, одновременно вывернув из кармана припасённую с завтрака сухую горбушку хлеба с комком сырой земли прямо ей за пояс.

Острая боль в боку и ощущение рассыпавшихся по коже крошек сработали как ведро ледяной воды.

Хельга резко втянула воздух, отдёрнув руку в последнее мгновение. Изумрудный взгляд мгновенно прояснился, а на щеках под высокими скулами проступил едва заметный румянец ярости — наполовину на собственную слабость, наполовину на наглого корнеплода.

— Всё в порядке, Маркус, — удивительно ровным голосом произнесла она, быстрым, отточенным движением набрасывая поверх чашечки подсвечника плотный носовой платок, чтобы спрятать проклятый фиолетовый цвет с глаз долой. — Просто пары нагара ещё ядовиты. Не советую наклоняться близко.

Она аккуратно, через двойной слой ткани, вывернула восковой слепок вместе с осколком в пустой кожаный кисет для улик и затянула шнурок.

— И что нам даёт эта стекляшка со свечой? — спросил Вейл, с облегчением видя, что к наёмнице вернулось её обычное ледяное хладнокровие. — Свечи в посольство поставляют десятками ящиков со всего континента.

— Обычные свечи — да, — Хельга подошла к колонне, легко, одним плавным движением подхватила свою массивную секиру и закрепила её за спиной. Теперь, когда фиолетовый осколок был спрятан в темноте кисета, её разум снова работал как отлаженный часовой механизм. — Но обрати внимание на две вещи, капитан. Первое: след от влажного донца на мраморе рядом с канделябром. Тот, кто менял свечу вчера днём, принёс её не в сухом ящике со склада посольства, а в холодном контейнере со льдом или речной водой — иначе тонкая перегородка между воском и ядом подтаяла бы ещё в дороге от дневной жары.

— Речной лёд… — глаза Вейла загорелись охотничьим азартом. — Лёд в Верхний город возят только с подземных ледников через речную факторию полурослико в!

— И второе, — добавила Хельга, направляясь к дверям своей гипнотической, плавной походкой, пока за её спиной тянулся уже её собственный, живой и тёплый аромат ванили. — Само стекло капсулы. В обычных городских мастерских дуют зелёное или бурое аптекарское стекло. Чистый амети-

стовый сплав без пузырьков воздуха плавят на костяной золе и глубинном кварце только в закрытых стеклодувнях Нижнего яруса. Значит, сначала мы проверим журналы поставок льда у камердинера, а затем навестим старого стеклодува в Речном квартале.

Когда они вышли в коридор и Вейл задержался на минуту, чтобы отдать распоряжения страже опечатать спальню и допросить прислугу, кто вчера заносил в дом ящики со льдом, Хельга шагнула в нишу за мраморной статуей и грозно посмотрела вниз, на свой оттопыренный карман.

Оттуда показалась виноватая, но не сдающаяся физиономия Барона Корнеплода.

— *Даже не начинай, Картошечка!* — опередил её клубень, назидательно подняв вверх грязный корешок. — *Во-первых, я Барон Корнеплод, спаситель твоей бестолковой жизни! Во-вторых, хлебные крошки за поясом — это малая цена за то, чтобы ты не облизывала ядовитые стекляшки на глазах у всей стражи! И вообще, ты видела этот цвет? У меня от него самого чуть ботва не заколосилась! Что-то мне подсказывает, Хельга, что с этим стеклом мы влипли в историю куда хуже, чем тогда с болотной ведьмой. Мы точно умрём до ужина, помяни моё слово!*

Хельга тихо, почти беззвучно рассмеялась, чувствуя, как напряжение от недавнего приступа отпускает её плечи, и кончиком пальца аккуратно стряхнула песчинку с макушки своего ворчливого друга.

— До ужина никто умирать не собирается, Картошка. Сначала ты вычистишь все крошки из моей куртки, а потом мы выясним, кто решил поиграть с моим именем.

Глава 2
Холодный след и тысяча отговорок Бабена

Лёд на чёрном бархате

Служебный двор эльфийского посольства, скрытый от белоснежных парадных фасадов высокой шпалерой из подстриженного серебристого граба, жил совсем другой, приземлённой жизнью. Здесь пахло не лунным жасмином, а мокрой соломой, конским потом и талой речной водой.

У массивных ворот ледника — каменного погреба, уходящего глубоко под фундамент особняка, — стояла открытая грузовая повозка без лошадей. Двое дюжих оперативников Тайной Стражи держали под локти старого эльфа-камердинера Талиона. Его длинный расшитый серебром сюртук был смят, а тонкие белые пальцы мелко дрожали.

Хельга вышла из боковой арки особняка первой, чуть опережая капитана Маркуса Вейла. Утреннее солнце уже поднялось над крышами Верхнего города, и в его косых лучах её фигура в глухом чёрном облачении казалась вырезанной из обсидиана. Она шла тем самым плавным, пружинистым шагом, от которого даже конюхи у коновязи побросали скребницы и уставились на неё во все глаза.

Но самой Хельге не давала покоя деталь, которую она заметила ещё с крыльца. У стены погреба стояли в ряд пять деревянных бочонков из-под солений. Четыре стояли вверх дном, просыхая на солнце, а пятый лежал на боку, да ещё и под углом к водосточному желобу.

Не сводя холодного взгляда своих зелёных глаз с бледного камердинера, Хельга поравнялась с бочонками и лёгким, почти небрежным движением носка высокого чёрного сапога поддела лежащий бочонок. Деревянная кадка послушно перевернулась в воздухе и глухо встала точно в ряд с остальными четырьмя.

Из-под ворота её куртки тут же раздался тихий, полный страдания вздох Барона Корнеплода:

— О боги корнеплодов, она даже тару на чужом заднем дворе строит по ранжиру! Хельга, если мы попадём в преисподнюю, ты и там заставишь чертей перевесить сковородки по размеру?

Хельга проигнорировала шёпот клубня и остановилась в двух шагах от Талиона. От неё к старому эльфу поплыл тонкий, тёплый шлейф сладкой ванили. Камердинер вскинул голову, его расширенные зрачки скользнули по высоким скулам северянки, по прямым чёрным волосам, и он судорожно втянул воздух:

— Это… это вы?! Тот самый запах из опочивальни господина! Капитан Вейл, почему эта женщина на свободе и с оружием?! Она же убийца!

— Если бы я хотела убить вашего господина, Талион, — мягко, почти ласково произнесла Хельга, закладывая одну руку за пояс и чуть склоняя голову набок, — вам бы не понадобился таран, чтобы открыть дверь. Она бы слетела с петель вместе со стеной.

В её голосе не было ни капли угрозы — только спокойная констатация факта, подкреплённая тяжёлым блеском двуручной секиры за её спиной. Старый эльф поперхнулся собственным криком и невольно отступил на полшага.

— Успокойтесь, Талион, и отвечайте на вопросы, — жёстко вмешался Маркус Вейл, вставая рядом с Хельгой. — Вчера после полудня в покои лорда Иллияра поднимали свежий лёд для охлаждения вин и фруктов. Кто именно заносил контейнер в спальню?

— Никто из чужих не входит в личные покои посла! — гордо вскинул подбородок камердинер, хотя его взгляд то и дело возвращался к изумрудным глазам Хельги. — Я сам принимал поставку у задних ворот в три часа пополудни. Привезли две корзины колотого речного льда, пересыпанного кедровыми опилками, и коробку восковых свечей из нашей обычной лавки…

— Из одной и той же повозки? — мгновенно перебила его Хельга. Её полуулыбка стала острее. — Лёд и свечи привёз один курьер?

Талион запнулся, нахмурив тонкие седые брови:

— Ну… да. Обычно свечи доставляет посыльный от мастера Герарда с Воскового ряда, но вчера возчик со льдом сказал, что встретил мальчишку-посыльного у самых ворот — у того якобы подвернулась нога на брусчатке, и ледовоз просто любезно подхватил его ящик, чтобы сдать всё сразу. Я ещё подумал, какая редкость для жителей Нижнего города

— такая учтивость…

— А верхняя свеча в ящике лежала поверх мешка со льдом, чтобы «не помялась в дороге», — закончила за него Хельга, и Вейл мрачно выругался сквозь зубы. Вся картина преступления сложилась без единого зазора. — И конечно же, именно эту прохладную, гладкую свечу ты и поставил в центральное гнездо канделябра у кровати посла.

Лицо старого эльфа стало белее мела на стенах посольства.

— Великое Небо… Вы хотите сказать, что я… я своими руками зажёг смерть для лорда Иллияра?!

— Кто привёз лёд, Талион? — спросила Хельга, делая полшага ближе и глядя прямо в его глаза. Сейчас она сознательно включила своё мягкое, обволакивающее обаяние: её голос стал глубоким и успокаивающим, словно она снимала с плеч старика чужую вину. — Вспомни. Какая была повозка? Какое клеймо стояло на кадках со льдом?

Под действием её взгляда и тёплого ванильного аромата паника камердинера отступила, сменившись почти гипнотической покорностью.

— Повозка была крытая, обшитая просмолённой парусиной, чтобы лёд не таял на солнце, — тихо заговорил он, не отрывая взгляда от её лица. — Возчика я не разглядел — на нём был глубокий капюшон от речной сырости и кожаные очки, какие носят рубщики в ледяных штольнях. Но кадки… Кадки были не от речных полурослико в. На днище стояло

выжженное клеймо: кривая кирка и три монеты. И от самих опилок воняло не кедром, а этой… подземной плесенью и серным дымом Нижних Котлов. Я хотел вернуть партию, но вчера в посольстве давали ужин для графини Де Аборжанц, а вы же знаете графиню — она устроила бы истерику, если бы ей подали недостаточно охлаждённый мускат, она ведь вечно боится лихорадки от тёплой воды…

При упоминании клейма с кривой киркой и тремя монетами в кармане Хельги произошло бурное оживление.

— *Клянусь своим крахмалом!* — возмущённо зашептал Барон Корнеплод из-под ворота. — *Три монеты и кривая кирка! Да это же логотип того жадного зеленокожего упыря из Третьего коллектора! Хельга, только не говори, что мы пойдём к Бабену! Я в прошлый раз у него в лавке чуть не оглох от его вранья, а потом три дня отмывал корешки от какой-то липкой дряни!*

Маркус Вейл захлопнул свой кожаный блокнот:

— «Кирка и три монеты» — это фактория старьёвщика Бабена на границе Речного квартала и Нижних Котлов. Подземный гоблин, перекупщик неликвида и контрабандного кварца. Я возьму десяток арбалетчиков, и мы перевернём его лавку вверх дном.

— И найдёшь пустые прилавки и сотню поддельных накладных, — остановила его Хельга, легко коснувшись ладонью рукава его мундира. Вейл снова невольно замер от её прикосновения. — Гоблины Нижних Котлов чуют серые

плащи стражи за версту. Если туда явится отряд с арбалетами, Бабен уйдёт по сточным трубам в Подземье раньше, чем вы выбьете первую дверь. К тому же, у твоих людей нет опыта общения с его… специфическим характером.

— А у тебя есть? — с сомнением прищурился капитан.

На губах Хельги заиграла та самая тонкая, загадочная полуулыбка:

— Скажем так, Маркус: Бабен должен мне с прошлого месяца за охрану его тюков от речных крыс. Дай мне три часа форы. Если к полудню я не вытрясу из него имя заказчика и стеклодува — присылай хоть целый гарнизон.

Спуск в Нижние Котлы

Врата Ворон были городом-слоёным пирогом. Если Верхний ярус утопал в белом известняке, садах и звоне небесных колоколов, то стоило спуститься по Ступеням Старого Шлюза на три сотни локтей вниз, как солнце исчезало за густой завесой рыжего пара и угольной гари.

Это были Нижние Котлы — индустриальное и алхимическое чрево столицы.

Узкие, мощённые крупным скользким булыжником улочки жались здесь друг к другу под нависающими каменными сводами Верхнего города. Повсюду, словно медные вены гигантского зверя, тянулись клёпаные паровые трубы, по которым гномы-инженеры гнали горячую воду и сжатый воздух из геотермальных источников. С труб то и дело с шипением срывались клубы белёсого пара, пахнущего серой, жжёным маслом и варёными кореньями. Внизу, в глубоких каменных каналах, бурлила тёмная вода, крутящая лопасти сотен мельничных колёс, которые приводили в движение мехи алхимических печей и стеклодувных горнов.

Для перфекционистки вроде Хельги Нижние Котлы были настоящим чистилищем.

Она шла по середине кривой улочки, стараясь не задевать высокими чёрными ботинками лужи маслянистой жижи, в которых переливались радужные разводы алхимических от-

ходов. Косые вывески трактиров, криво прибитые ставни, разномастные ящики, сваленные у дверей мастерских как попало, — всё это вызывало у неё глухое раздражение. Проходя мимо бочарной лавки, у входа в которую на верёвке сушились три кожаных фартука — два длинных по краям и короткий посередине, — Хельга с трудом подавила порыв перевесить их по росту.

Зато Барон Корнеплод чувствовал себя в этой клоаке как рыба в воде.

Высунувшись по пояс из нагрудного отсека её перевязи и положив обе корневые лапки на край чёрного ворота, словно вельможа в театральной ложе, клубень с неподдельным восторгом вертел головой по сторонам.

— *Вот! Вот это я понимаю — настоящая жизнь, живая органика!* — назидательно вещал он, перекрикивая грохот парового молота из соседней кузницы. — *Посмотри на эту благородную плесень на водостоке! Вдохни этот букет из гнилой капусты, селитры и жареных бычьих хвостов! Здесь никто не бегает с тряпкой за каждым комочком земли, как некоторые нервные девицы с секирами!*

— Если ты сейчас же не перестанешь сыпать шелухой мне на грудь, Картошка, я продам тебя в первую же харчевню как редкий сорт трюфеля, — пообещала Хельга, перешагивая через сонного пьяного полуруслика, спавшего прямо в обнимку с пустым бочонком у дверей кабака «Пьяная Реторта».

— Во-первых, Барон Корнеплод! А во-вторых, у этих олухов не хватит золота на такой деликатес, как я! — фыркнул клубень, но тут же посерьёзнел и ткнул маленьким корешком в сторону трёх прохожих в длинных промасленных плащах, стоявших у чугунного столба. — *Кстати, Картошечка, ты заметила, что мы тут производим фурор даже среди местных мутантов?*

Хельга заметила.

Даже здесь, в прокопчённом полумраке Нижних Котлов, её появление производило эффект разорвавшейся световой гранаты. Высокая, стройная, затянутая в безупречный чёрный цвет с головы до пят, с тяжёлой двуручной секирой за спиной и прямыми, гладкими, как воронёная сталь, волосами, она двигалась сквозь суету работяг и контрабандистов с невозмутимым изяществом королевы.

Чумазый подмастерье-стеклодув, выкативший тележку с битым кварцем, так засмотрелся на её зелёные глаза и плавный шаг, что въехал колесом прямо в водосточную решётку. Две наёмницы-лучницы у оружейного ряда синхронно замолчали на полуслове, провожая долгими, жадными взглядами её точёный силуэт и вдыхая тонкий, совершенно немыслимый для этих пропитанных гарью трущоб аромат цветущей сладкой ванили, который оставался в воздухе после каждого её шага.

В конце кривого переулка, там, где каменная кладка упиралась в монолитную скалу древнего спуска в Подземье, ви-

села ржавая железная вывеска с изображением кривой кирки и трёх монет. Под ней красовалась гордая, но написанная с тремя ошибками надпись жёлтой краской:

«ТОРГОВЫЙ ДОМ ВЕЛИКОГО БАБЕНА. Редкие камни, честный лёд, элитный хлам. (Кто скажет, что дорого — тот слепой осёл!)»

— *Ну, началось,* — обречённо простонал Барон Корнеплод, ныряя глубже за пазуху и оставляя снаружи только макушку с зелёным чубчиком. — *Сейчас этот зелёный гений торговли будет полчаса доказывать нам, что солнце квадратное, а мы должны ему за вход. Дай слово, Хельга: если он назовёт меня репой, ты отрубишь ему хотя бы одно ухо!*

— Посмотрим на его поведение, — усмехнулась уголками губ Хельга и толкнула тяжёлую, обитую листовым железом дверь.

Лавка тысячи отговорок и искусство лести

Колокольчик над дверью издал звук, похожий на предсмертный кашель простуженной вороны.

Внутри лавки Бабена царил такой первозданный, многослойный хаос, что у Хельги мгновенно свело скулы от острого желания сжечь это место дотла, а пепел аккуратно подмести в ровную кучку.

Помещение напоминало пещеру сошедшего с ума сороки-переростка. С низкого закопчённого потолка на ржавых цепях свисали связки сушёных пещерных угрей, клетки со спящими слепыми нетопырями, старые медные шлемы и кривые зеркала. Вдоль стен громоздились покосившиеся стеллажи, заваленные кусками необработанного горного хрусталя, битыми алхимическими ретортами, какими-то подозрительными банками с маринованными грибами из Споровых Кущ и мотками гномьего троса. Всё это было покрыто благородным слоем серой пыли, а в дальнем углу, за обитым медью люком ледника, глухо капала талая вода.

За высоким прилавком, сколоченным из старых корабельных досок, восседал сам хозяин заведения.

Бабен был подземным гоблином старой закалки — не чета тем прилизанным городским клеркам-менялам из Верх-

него города. Ростом чуть выше пояса Хельги, но широкий, как пивная бочка, с брюшком, туго обтянутым жилетом из некогда дорогого, но безнадёжно заляпанного жиром малинового бархата. Его лысая бугристая макушка болотно-зелёного оттенка блестела от пота, длинные уши с золотыми кольцами-гирьками торчали в стороны, словно крылья у летучей мыши, а на крупном крючковатом носу сидели очки с тремя сменными увеличительными линзами. Все десять его кривых пальцев были унизаны дешёвыми медными перстнями со стеклянными вставками, которые он выдавал за «проклятые рубины древних королей».

В данный момент Бабен пытался приклеить рыбьим клеем отвалившуюся ручку к глиняному ночному горшку, чтобы продать его как «ритуальную чашу эльфийских жрецов».

Увидев вошедшую Хельгу, гоблин от неожиданности выронил кисточку с клеем прямо себе на жилет. Его маленькие жёлтые глазки за тройными линзами выкатились на лоб, пробежавшись снизу вверх по её длинным ногам в чёрной коже, узкой талии, рукояти гигантской секиры за плечом и остановившись на её холодном лице с изумрудными глазами.

— Ох ты ж подземная плесень… — выдохнул Бабен, тут же нацепляя на широкую клыкастую физиономию самую масляную, заискивающую улыбку, на какую был способен. — Госпожа Хельга! Красавица моя ненаглядная! Какими судьбами в скромный дворец торговли великого Бабена? Если вы за теми тремя серебряными монетами за прошлую

неделю охраны — так я уже почти положил их в кошель! Вот буквально вчера понёс их вам в «Серебряный Шпиль», но по дороге начался такой страшный встречный ветер с реки, что меня чуть не сдуло обратно в Подземье! Сами понимаете — стихия! Против ветра идти нельзя, это любой учёный скажет, монеты на ветру окисляются и теряют вес, я исключительно ради вашей выгоды вернулся!

Хельга неспешно подошла к прилавку.

На краю доски стояли деревянные счёты, перевёрнутые вверх ногами, и лежала кривая стопка медных жетонов. Не произнося ни слова, она протянула руку в чёрной перчатке, перевернула счёты правильно и одним движением ладони выровняла стопку жетонов в идеальный цилиндр.

— Вчера был полный штиль, Бабен, — спокойно заметила она, облокачиваясь на прилавок так, что гоблина окутало облако сладкой ванили. Бабен блаженно прикрыл глазки, шумно принюхиваясь. — И ты должен мне не три серебряных, а пять.

— Пять?! — гоблин возмущённо всплеснул короткими ручками, отчего его медные перстни зазвенели, как бубенцы. — Госпожа Хельга, побойтесь духов камня! Я человек… то есть гоблин кристальной, безупречной математической честности! Пять монет — это если считать по старому гномьему календарю, а по лунному циклу полурослико в с вычетом влажности воздуха в подвале получается ровно две с половиной! И вообще, те речные крысы, которых вы разрубили сво-

ей замечательной секирой, были почти домашними! Они не воровали мой сыр, они его проветривали! Значит, технически вы лишили меня бесплатных работников, но так и быть, по старой дружбе я прощаю вам этот убыток!

Из-за пазухи Хельги донёсся глухой, сдавленный стон Барона Корнеплода:

— Я же говорил! Спроси его, сколько будет дважды два — он докажет, что вторник, да ещё и взыщет с тебя налог за арифметику!

Хельга знала главное правило общения с Бабеном: если начать спорить с ним в лоб или грозить оружием, этот упрямый идиот уйдёт в глухую оборону и будет выдумывать всё более абсурдные отговорки до второго пришествия, но ни за что не признает свою вину или ошибку. Чтобы вытянуть из него правду, нужно было сыграть на его гипертрофированном самолюбии и жадности — заставить его самого доказывать, какой он великий и всезнающий делец.

Она подарила гоблину свою самую тёплую, доверительную полуулыбку и чуть понизила голос:

— Оставь свои пять серебряных себе, Бабен. Я пришла к тебе не за мелочью, а по серьёзному делу. Хотя… капитан Тайной Стражи Маркус Вейл сегодня утром уверял меня, что я зря трачу время и что ты слишком глуп и мелок для таких заказов.

Уши Бабена мгновенно встали торчком, а болотная физиономия налилась бурой краской праведного гнева.

— ЧТО-О?! — взвизгнул гоблин, подпрыгнув на своем табурете так, что с потолка посыпалась сухая штукатурка. — Это кто там сказал, что великий Бабен мелок и глуп?! Этот выскочка в сером плаще?! Да что он вообще понимает в большой коммерции?! У Бабена связи от самого Дна Корней до шпилей Верхнего города! Нет такого товара во Вратах Ворон, который прошёл бы мимо моих складов! Да если хотите знать, госпожа Хельга, без меня в этом городе даже лёд в бокалах у лордов не замёрзнет!

— Вот об этом Вейл и говорил, — Хельга сделала вид, что сочувственно вздыхает, поигрывая прядью своих глянцевых чёрных волос. — Он сказал, что вчера кто-то провернул гениальную сделку под твоим собственным носом. Какой-то чужак украл у тебя со склада две кадки с твоим фирменным клеймом «Кирка и три монеты», набил их дешёвым речным льдом и отвёз в эльфийское посольство. А ты, мол, сидел тут со своим ночным горшком и даже не заметил, как тебя обвели вокруг пальца, словно слепого котёнка.

Для Бабена не существовало оскорбления страшнее, чем намёк на то, что кто-то воспользовался его имуществом бесплатно, да ещё и выставил его простофилей.

— Украли?! У МЕНЯ?! Обошли вокруг пальца великого Бабена?! — гоблин в ярости хлопнул ладонью по прилавку, сбив на пол глиняный горшок, который тут же с жалобным звоном раскололся надвое. — Наглая человеческая ложь! Никто у меня ничего не крал! У меня каждый оско-

лок льда записан в трёх амбарных книгах! Если моя кадка уехала в эльфийское посольство — значит, я сам её продал за чистейшее золото, да ещё и взял тройную цену за аренду кедровых опилок!

— Врёшь ты всё, Бабен, — лениво протянула Хельга, глядя на него сверху вниз прищуренными зелёными глазами. — Откуда у тебя покупатели такого уровня? В посольство возят товар только уважаемые купцы, а не старьёвщики из Третьего коллектора. Ты небось даже в лицо не видел того, кто брал этот лёд, — какой-нибудь оборванец сунул тебе медяк через забор…

— Медяк?! Оборванец?! — Бабен задохнулся от негодования, срывая с носа тройные очки и тыча ими в воздух. — Да чтобы вы знали, госпожа Хельга, ко мне вчера утром пришёл такой заказчик, каким в ваших Верхних палатах и не пахло! Человек с манерами герцога! Заплатил пять полновесных золотых империалов — золотых, слышите! — только за то, чтобы я одолжил ему на два часа мою крытую повозку с мулом, куртку ледовоза с капюшоном и две кадки лучшего подземного льда из шестой штольни! Ещё и купил у меня горсть белого пещерного кварца высшего разбора без единой трещинки! Медяк они мне сунули, ха! Бабен с нищебродами не работает!

Хельга мысленно улыбнулась. Капкан захлопнулся со звоном.

Из-за пазухи донёсся тихий восторженный шёпот Барона

Корнеплода:

— Браво, Картошечка! Ещё две минуты — и он сам напишет чистосердечное признание, да ещё и доплатит нам за бумагу!

— Пять золотых за старую телегу и горсть кварца? — с хорошо разыгранным недоверием переспросила Хельга. — Звучит как сказка для легковерных гоблинов. И с чего бы человеку в богатом платье пачкать руки об твою промасленную куртку ледовоза и самому тащить кадки в посольство?

— А вот тут вы снова ничего не понимаете в тонкостях высшего света! — победоносно задрал крючковатый нос Бабен, расплываясь в самодовольной ухмылке, уверенный, что уделал глупую наёмницу по всем статьям. — Он не сам таскал! С ним был помощник — тощий такой, бледный, с перевязанной шеей и пустыми глазами, словно он месяц не спал или надышался спорами в Аметистовом лесу. Заказчик оставил мне залог за повозку, посадил этого молчуна на козлы, положил прямо в лёд какой-то свинцовый ларец, чтобы в дороге не нагрелся, и велел тому ехать к Восковому ряду!

— А сам заказчик? — голос Хельги стал тихим и предельно чётким. — Как он выглядел, Бабен? Докажи, что ты его видел, а не выдумал ради красного словца.

— Я выдумал?! У Бабена память как гномий сейф! — гоблин вытащил из-под прилавка пухлую засаленную тетрадь и гордо потряс ею. — На нём был длинный дорожный плащ из серой шерсти с глубоким капюшоном, но когда он отсчи-

тывал мне золотые, рукав сдвинулся! И знаете, что я увидел? Вы думаете, Бабен не разбирается в роскоши?! Под серым плащом у него был манжет из светлого-светлого, почти белого сукна с мелким таким, аккуратным узором в точечку! И перчатки из тончайшей белой замши! А пахло от него не чесноком и не элем, а какой-то аптекарской чистотой и дорогим мылом!

Светлое сукно под серым плащом и запах аптекарской чистоты… В голове Хельги ещё не возникло никакого имени — в Верхнем городе сотни богатых вельмож, врачей и магистров носили светлые камзолы, — но деталь была слишком яркой, чтобы её забыть.

— И зачем же такому белоручке понадобился твой пещерный кварц, великий торговец? — спросила она, наклоняясь чуть ближе через прилавок. — Кварц ведь сырьё. Его не положишь в карман.

— Вот именно! — торжествующе воскликнул Бабен, окончательно потеряв осторожность от собственного красноречия. — Кварц нужен тем, кто варит цветной хрусталь при высоком жаре! Он прямо при мне спросил, работает ли ещё старая стеклодувня «Слепой Горн» у Чёрного водосброса, и пошёл прямиком туда! А вы говорите — Вейл сказал, что Бабен ничего не знает! Да Вейл без меня собственную шляпу в тёмной комнате не найдёт!

В этот момент Бабен вдруг осёкся.

Его маленькие жёлтые глазки моргнули раз, другой, а за-

тем медленно сфокусировались на спокойном, холодном лице Хельги. До жадного гоблинского мозга с опозданием на три минуты наконец дошло, что он только что совершенно бесплатно, да ещё и с пеной у рта, выложил опасной наёмнице с огромной секирой все тайны своего вчерашнего VIP-клиента.

Улыбка сползла с болотной физиономии Бабена.

— Э-э-э… — пробормотал гоблин, пятясь к стеллажу и на всякий случай пряча амбарную книгу за спину. — То есть… я хотел сказать, что это мне приснилось! Да! Вещий сон от сырости! Никакого клиента не было, повозка стояла во дворе, потому что у мула мигрень, а кварц я сам съел для улучшения пищеварения! Все знают, что гоблины по вторникам едят кварц, это научный факт, тут я абсолютно прав!

Хельга выпрямилась во весь рост. Она молча достала из кошеля одну золотую монету, положила её ровно на середину прилавка, а затем — прежде чем жадная лапа Бабена успела накрыть золото — кончиком пальца прижала монету к доске.

— Это за твой чудесный сон и в счёт моего старого долга, Бабен, — произнесла она ледяным тоном, от которого у гоблина затряслись золотые серьги в ушах. — Но если тот человек в светлом камзоле или его бледный подручный узнают, что я заходила к тебе… я вернусь и наведу в твоей лавке идеальный порядок. С помощью вот этой секиры. Мы поняли друг друга?

— Н-немая могила, госпожа Хельга! — закивал Бабен с такой скоростью, что с его носа снова слетели очки. — Вы вообще сюда не заходили! Меня самого тут сегодня нет, я уехал в отпуск к тётушке в соляные копи!

Когда тяжёлая железная дверь лавки захлопнулась за их спиной и они снова оказались в шумном, пропитанном паром переулке Нижних Котлов, Барон Корнеплод вылез из-за ворота по пояс и с уважением похлопал корешком по ключице Хельги:

— Знаешь, Картошечка, иногда ты пугаешь меня сильнее, чем налоговый инспектор. Бедный гоблин сейчас, наверное, сидит под прилавком и пытается переварить настоящий кварц, чтобы не соврать! Значит, наш таинственный отравитель носит светлый камзол в мелкую крапинку, водит за собой бледного зомби с перевязанной шеей и заказывает фиолетовые капсулы в «Слепом Горне» у Чёрного водосброса?

— Именно так, Картошка, — зелёные глаза Хельги хищно блеснули в полумраке паровых труб. Она поправила ремень секиры на плече. — И если этот человек так заботится о своей тайне, что убрал эльфийского посла чужими руками, то старый стеклодув у водосброса сейчас в смертельной опасности. Нам нужно успеть туда раньше чистильщиков.

«Слепой Горн» и человек в мешке

Чем ближе Хельга подходила к Чёрному водосбросу, тем сильнее редел шум торговых рядов Нижних Котлов, уступая место низкому, утробному гулу падающей воды.

Здесь, на самой окраине подземного яруса, сточные каналы и отработанные геотермальные ручьи сливались в единую пропасть, обрушиваясь водопадом в бездонные карстовые провалы Подземья. Воздух стоял горячий, густой от водяной взвеси и стекольной пыли. Мостовая под высокими чёрными ботинками Хельги блестела от мокрой сажи, но она умудрялась ступать так выверенно и легко, что на её начищенной коже не оставалось ни единого пятнышка.

Старая стеклодувня «Слепой Горн» лепилась прямо к краю обрыва над водосбросом, словно ласточкино гнездо из почерневшего кирпича и ржавых железных балок. Из широкой конусообразной трубы на крыше валил тяжёлый сизый дым — печь внутри была растоплена до предела.

Хельга остановилась в тени массивной паровой арки за тридцать шагов до входа в мастерскую. Её зелёные глаза хищно прищурились.

Дубовая дверь стеклодувни была приоткрыта на ладонь, а на каменном крыльце валялась перевёрнутая корзина с древесным углём. Для любого другого это показалось бы обычной неряшливостью ремесленника, но Хельга мгновен-

но считала картину: старый мастер, который десятилетиями варил тончайший аптекарский хрусталь, никогда не бросил бы дорогой берёзовый уголь в сырую грязь у порога.

Из-за ворота её чёрной водолазки показалась встревоженная макушка Барона Корнеплода. Клубень принюхался к воздуху и нервно дёрнул зелёным чубчиком:

— Пахнет палёной шерстью, дешёвым железом и чужим потом, Картошечка… то есть, тьфу ты, Хельга! Там внутри минимум трое, и они явно пришли не за вазочками для цветов. Давай просто кинем туда камень, крикнем «Пожар!» и пойдём обедать? У меня от этого гула водопада крахмал в боках вибрирует!

— Сиди глубоко и держись за подкладку, Барон, — беззвучно шепнула Хельга, чувствуя, как по её спине и плечам начинает разливаться знакомое, упругое тепло. — Сейчас будет немного шумно и очень грязно.

Правая рука Хельги скользнула за плечо, пальцы в тонкой чёрной перчатке сомкнулись на рукояти двуручной секиры. Щёлкнули магнитные зажимы перевязи — и тридцатифунтовое лезвие из тёмного метеоритного железа бесшумно легло в её ладони.

Она не стала красться вдоль стен, прячась за бочками. Это было ниже её достоинства.

Хельга просто шагнула из тени арки, взбежала по каменным ступеням крыльца — по пути точным движением сапога вернув перевёрнутую корзину с углём в строго вертикальное

положение — и ударом ноги распахнула дверь стеклодувни настежь.

Внутри мастерской царил багровый полумрак. В центре зала ревела огромная круглая печь-гута, из смотровых щелей которой вырывалось ослепительное оранжевое пламя, бросая пляшущие отсветы на длинные железные трубки стеклодувов, чаны с кварцевым песком и полки, заставленные сотнями разноцветных колб.

У раскалённого горна стояли трое дюжих наёмников в промасленных кожаных куртках без опознавательных знаков и с тяжёлыми тесаками на поясах. Один из них держал за шиворот седобородого старика-стеклодува в кожаном фартуке и тёмных защитных очках на лбу, прижимая его лицо опасно близко к пышущему жаром жерлу печи. Второй торопливо сгребал с верстака в холщовый мешок какие-то мелкие осколки.

А в дальнем углу мастерской, прямо на куче битого зелёного стекла и соломы, лежал связанный по рукам и ногам четвёртый человек с пыльным мешком из-под муки на голове. Судя по тому, как этот пленник отчаянно извивался и глухо, но витиевато матерился сквозь мешковину, от него разило таким густым перегаром дорогого эльфийского портвейна, что этот дух не перебивал даже жар стеклодувной печи.

— Я последний раз спрашиваю, дед! — рычал верзила у горна, встряхивая старика. — Куда ты спрятал бракованные

фиолетовые отливки?! Бледный велел забрать всё до последней капли стекла и спалить твою дыру вместе с тобой и этим пьяным ворюгой, который залез к тебе через крышу!

— Я отдал все три гладкие бусины вчера! — хрипел старик, задыхаясь от жара. — Остальное треснуло при остывании, я выбросил в…

Договорить он не успел.

— Прошу прощения, господа, — раздался от дверей спокойный, мелодичный грудной голос Хельги. — Но у вас на верстаке инструменты лежат не по размеру. И вы наследили грязными сапогами на сухом песке.

Трое головорезов синхронно повернули головы к входу.

В дверном проёме, подсвеченная сзади серым туманом водосброса, а спереди — багровым заревом печи, стояла высокая, невероятно стройная девушка в облегающем чёрном одеянии. Её прямые волосы цвета воронова крыла мягко контрастировали с бледной кожей, а на полных губах играла лёгкая, почти вежливая полуулыбка. В горячий, пропитанный гарью воздух мастерской тонкой струйкой вплелся совершенно немыслимый здесь, дурманящий аромат цветущей сладкой ванили.

Наёмник, собиравший осколки у верстака, глупо моргнул, оглядывая её точёную фигуру:

— Это ещё что за куколка? Эй, красавица, ты дверью ошиблась, тут сейчас…

Его взгляд опустился чуть ниже — на массивную двуруч-

ную секиру, которую эта хрупкая девушка держала в одной опущенной руке так свободно, словно это был кружевной зонтик.

— Это она! — заорал верзила у печи, мгновенно бледнея и отшвыривая старика-стеклодува в сторону, к мешкам с песком. — Черноволосая с секирой! Та самая, о которой предупреждал Бледный! Рубите её, живо, за её голову обещано двести золотых!

Связанный человек с мешком на голове в углу тут же прекратил ворочаться и радостно крикнул сквозь ткань:

— Ого! Дама с секирой и ароматом кондитерской! Сударыня, я весь ваш, только не рубите сгоряча в правый угол, я тут чисто случайно зашёл занять до получки!

Танец тёмной стали и плут под градусом

Двое наёмников — тот, что стоял у верстака, и третий, вооружённый коротким цепом с шипастым гирьком на цепи, — бросились на Хельгу одновременно с двух сторон, рассчитывая зажать её в узком проходе между стеллажами с готовым стеклом.

Они двигались быстро, как опытные уличные бойцы Нижних Котлов. Но для Хельги, в груди которой в этот миг с мягким гулом распрямилась пружина скрытой кинетики, их рывок показался неуклюжей вознёй сонных мух.

Симбионт под её сердцем выбросил в кровь порцию чистого эфира. Изумрудная зелень её глаз вспыхнула в полумраке мастерской холодным хищным огнём.

Она даже не сделала шага назад — лишь плавно, с грацией танцовщицы на балу, качнула корпусом влево, пропуская свистящий шипастый шар цепа в дюйме от своей щеки. Цеп со звоном впечатался в полку с зелёными ретортами, взметнув тучу стеклянных брызг.

И в то же мгновение Хельга крутанулась вокруг своей оси.

Тяжёлая двуручная секира в её тонких руках описала идеальную, молниеносную горизонтальную дугу. Никакого натужного замаха, никакого сбитого дыхания — невидимая ки-

нетическая волна сделала тёмное лезвие продолжением её собственной воли. Сталь секиры с певучим, низким гулом встретилась с коротким мечом первого наёмника, разрубила калёную полосу пополам, как сухой тростник, и древком сокрушительно ударила бойца в грудь. Того оторвало от пола и впечатало спиной в кирпичную кладку стены так, что он мешком сполз на пол без сознания.

— *Осторожнее на поворотах, меня укачивает!* — пискнул из-за пазухи Барон Корнеплод, вцепившись всеми корешками в шов её куртки, пока вокруг летели осколки стекла. — *Слева заходит тот урод с цепом!*

Хельга видела.

Второй боец уже рванул цепь на себя, метя шипастым гирьком ей по ногам. Хельга легко перешагнула через летящую по полу цепь, наступила каблуком высокого чёрного ботинка прямо на железные звенья, намертво пригвоздив оружие к каменным плитам, и коротким обратным движением обуха секиры приложила наёмника по лбу. Раздался глухой стук, с каким спелый арбуз падает с телеги, и второй чистильщик рухнул рядом с первым.

Но третий — главный верзила у печи — не полез на рожон.

Поняв, что в ближнем бою против этой ведьмы в чёрном им не выстоять и десяти секунд, он схватил со стола длинный железный черпак с расплавленным, светящимся добела жидким стеклом из горна и с размаху швырнул огненную

струю прямо в лицо Хельге, а сам бросился к заднему окну, выходящему на карниз над пропастью водосброса.

Жидкий огонь летел веером, грозя сжечь всё на своём пути.

Хельга среагировала на чистом инстинкте. Она выставила широкое полотно своей секиры перед собой щитом и резко выдохнула.

В тот же миг по тёмному металлу лезвия пробежала яркая серебристо-белая вспышка: скрытая кинетика ударила из её ладоней наружу, создав вокруг секиры упругий воздушный купол. Струя расплавленного стекла с шипением врезалась в невидимую преграду в полушаге от её лица, разлетелась веером остывающих огненных капель по сторонам, не оставив на её чёрной одежде и прямых волосах ни единой подпалины, и застыла на каменном полу причудливой хрустальной коркой.

Верзила уже перевалился наполовину через подоконник над водопадом.

Хельга не побежала за ним. Она просто перехватила тяжёлый железный прут-понтию, лежавший на соседнем верстаке, примерилась прищуренным зелёным глазом и метнула его, словно копьё. Прут со свистом прошил воздух мастерской, намертво пришил полу кожаного плаща беглеца к деревянной раме окна и дёрнул его назад. Верзила с воплем рухнул с подоконника затылком об чугунную станину пресса и затих.

В мастерской воцарилась тишина, нарушаемая лишь треском печи, грохотом водопада за стеной да звоном последнего стеклянного осколка, докатившегося до носка ботинка Хельги.

Девушка спокойно закинула секиру на плечо, подошла к верстаку, на котором во время драки сдвинулись щипцы, и машинально поправила их, уложив параллельно краю стола.

— Матерь божья… то есть духи Небесного Свода… — прохрипел из угла старый стеклодув, прижимая руки к груди и глядя на Хельга с благоговейным ужасом. — Вы… вы их троих за десять ударов сердца уложили! И даже причёску не помяли!

— Они нарушили порядок в вашей мастерской, мастер, — невозмутимо ответила Хельга, поворачиваясь к связанному человеку в углу, который всё это время активно полз на боку к упавшей со стола початой бутылке кизиловой настойки. — А это ещё что за куль с мукой?

— Попрошу без оскорблений, прекрасная незнакомка! — возмущённо отозвался пленник из-под мешка. — Не куль с мукой, а жертва вопиющей несправедливости и производственного произвола! Снимите с меня этот пыльный колпак, умоляю, тут совершенно нечем дышать, кроме моих собственных вчерашних грехов, а вашим чудесным ванильным парфюмом тянет так, что мне хочется читать стихи!

Хельга подошла к нему и кончиком лезвия кинжала одним точным движением разрезала пеньковую верёвку на его

запястьях, позволив пленнику самому стащить мешок с головы.

Перед ней, потирая затёкшую шею и щурясь от света печи, сидел **Мика**.

Ему было на вид около тридцати, хотя с его образом жизни он мог сойти и за вечного двадцатилетнего шалопая. Худощавый, жилистый, гибкий, как уличный кот, с копной непослушных каштановых волос, торчащих во все стороны после мешка, и озорными, невероятно живыми карими глазами. На его щеке белел старый тонкий шрам от кинжала, а на подбородке красовалась лихая двухдневная небритость. Одет он был в потёртый, но когда-то явно щегольской кожаный дублет цвета тёмного бордо со множеством потайных кармашков, из которых торчали то уголок краплёной колоды карт, то серебряная зубочистка, а на его запястьях отчётливо виднелись свежие потёртости от казённых кандалов городской тюрьмы, из которой он, судя по всему, освободился не далее как позавчера.

Первым делом Мика, не вставая с пола, дотянулся до уцелевшей бутылки настойки, зубами выдернул пробку, сделал добрый глоток и блаженно зажмурился. А затем поднял взгляд снизу вверх на Хельгу — и буквально остолбенел, едва не выронив бутылку из рук.

Его взгляд скользнул по её стройной фигуре в чёрном, по водопаду глянцевых прямых волос, задержался на высоких скулах и утонул в пронзительных зелёных глазах.

— Проклятье… — благоговейно выдохнул Мика, прижимая руку с бутылкой к сердцу. — Я всё-таки помер от палёного портвейна и попал прямо в Вальгаллу к самым красивым валькириям Севера. Меня зовут Мика, госпожа моей души. Свободный художник ночного промысла, специалист по замкам любой сложности и человек широчайшего, хотя и временно безденежного благородства. Вы не выйдете за меня замуж прямо сейчас? Обещаю бросить пить… ну, хотя бы по утрам вторника!

Из нагрудного кармана Хельги тут же высунулся взбешённый такой наглостью Барон Корнеплод:

— Ты посмотри на этого проспиртованного Ромео! Ещё от верёвок не отряхнулся, а уже руки и сердца просит! В очередь, пьянь подзаборная! И вообще, застегни жилетку, у тебя одна пола длиннее другой — сейчас у моей хозяйки глаз задёргается, и она тебя обратно в мешок зашьёт!

Мика замер с открытым ртом, переводя совершенно ошалелый взгляд с лица Хельги на говорящий клубень картофеля с корешками-руками, торчащий из её ворота, а затем на свою бутылку в руке.

— Так, — мрачно сказал вор, аккуратно затыкая бутылку пробкой и отставляя её в сторону. — Всё. Больше я гоблинскую настойку на спорах не пью. Со мной только что разговаривала картошка из декольте самой красивой женщины во Вратах Ворон. Мастер Орвин, вы тоже это видели, или мне пора сдаваться лекарям в приют магистра Щура?!

Старый стеклодув Орвин, кряхтя, поднялся с мешков и дрожащими руками нацепил очки на нос:

— Если бы ты не залез ко мне через слуховое окно воровать серебряную фольгу для зеркал, Мика, и не свалился прямо на голову этим бандитам, тебя бы вообще тут не было!

Хельга перевела холодный взгляд с вора на старика.

— О ком говорили эти трое, мастер Орвин? Кто такой «Бледный», и какие фиолетовые отливки они искали?

Старый стеклодув испуганно оглянулся на бесчувственные тела чистильщиков, потом посмотрел на мешок, который второй бандит набивал у верстака до прихода Хельги.

— Я не знал, что это для убийства, клянусь честью ремесленника! — зачастил старик. — Вчера в полдень ко мне пришли двое. Один стоял в тени у порога в сером плаще — я видел только его подбородок и то, как он странно, но очень мягко улыбался, а из-под плаща пахло дорогими аптекарскими травами. Он дал мне мешочек чистейшего глубинного кварца от гоблина Бабена и щепотку лиловой руды, которую добывают только на стыке левитовых жил и Споровых Кущ. Велел выдуть три полые герметичные бусины тончайшей работы. А второй — тот самый Бледный, с мёртвыми глазами и шрамом под повязкой на горле — стоял рядом и следил за каждым моим движением!

Хельга внутренне напряглась:

— Три бусины? В спальне эльфийского посла лопнула только одна. Где ещё две?

— Три чистые бусины они забрали с собой вчера вечером! — старик указал дрожащим пальцем на холщовый мешок бандитов на верстаке. — Но при плавке такого сложного кварца всегда остаётся стеклянный шлак и лопнувшие пробные капли на дне тигля. Сегодня утром я вычистил печь, свалил фиолетовый шлак в ящик для брака… а полчаса назад вломились эти трое! Им приказали забрать даже мусорные осколки, чтобы в городе не осталось ни следа этой плавки!

Хельга шагнула к верстаку, но на этот раз — наученная горьким опытом в спальне посла — даже не посмотрела внутрь открытого холщового мешка, откуда сквозь ткань пробивался манящий, опасный фиолетовый отблеск. Отведя взгляд в сторону, она на ощупь затянула горловину мешка узлом.

И тут из своего угла подал голос Мика. Вор уже поднялся на ноги, отряхнул свой бордовый дублет от соломы и теперь смотрел на них без всякого кривляния — цепким, профессиональным прищуром опытного уличного пройдохи.

— Постойте-ка, — медленно протянул Мика, почёсывая небритый подбородок. — Бледный парень с повязкой на шее, мёртвым взглядом и свинцовым ларцом? Который ходит по следам редкого стекла?

Зелёные глаза Хельги мгновенно сфокусировались на воре:

— Ты его видел, Мика?

— Видел ли я его?! — Мика хмыкнул и снова потянулся

за своей бутылкой, сделав небольшой глоток для храбрости. — Прекрасная госпожа — и вы, уважаемый господин Корнеплод, простите, если не угадал титул, — да я за этим Бледным вчера вечером следил от самого Воскового ряда! У меня профессиональный интерес к людям, которые таскают под мышкой тяжёлые свинцовые шкатулки с тройным гномьим замком. Я думал, там контрабандные бриллианты, хотел аккуратно облегчить ему ношу в тёмном переулке…

— *И почему не облегчил?* — подозрительно прищурился из-за ворота Барон Корнеплод. — *Руки дрожали после третьей пинты?*

— Руки у Мики не дрожат даже на эшафоте, уважаемый овощ! — гордо парировал плут. — Просто когда я прижал этого Бледного в тупике у Старого Шлюза и приставил ему перо под ребро… он даже не моргнул. Повернул ко мне голову, а от него пахнет сладкой ванилью — почти как от вашей хозяйки, только с тухлой болотной гнильцой! И одной рукой — одной рукой, клянусь мамой! — сжал моё запястье так, что кости затрещали, отшвырнул меня на три сажени в кучу пустых бочек и спокойно ушёл вниз, через запертые решётки Старого Коллектора прямиком на первый ярус Подземья! Я сюда, к мастеру Орвину, сегодня утром и полез только потому, что услышал, как подручные Бледного на рынке упоминали «Слепой Горн» — хотел узнать, что за демон едва не оставил меня без рабочей руки!

В мастерской повисла звенящая тишина.

Хельга переглянулась с Бароном Корнеплодом. Кусочки мозаики сходились в пугающую картину: у таинственного заказчика в светлом камзоле было три фиолетовые капсулы с ядом и фальшивым запахом ванили. Первая капсула убила посла Небесных эльфов сегодня ночью. Значит, ещё две жертвы уже намечены, и часы тикают прямо сейчас. А исполнитель — тот самый Бледный со сверхчеловеческой силой и запахом ванили — ушёл с оставшимися капсулами через Старый Коллектор в тоннели Подземья.

— Старый Коллектор заперт со времён споровой чумы, а ключи от нижних шлюзов есть только у стражи и контрабандистов, — задумчиво произнесла Хельга, глядя на Мику своими холодными зелёными глазами, от которых у вора снова блаженно поплыла улыбка на лице. — Говоришь, ты специалист по замкам любой сложности и знаешь, куда именно в Подземье ушёл этот Бледный?

Мика галантно поклонился, приложив руку с бутылкой к груди:

— Для вас, госпожа Хельга, я открою даже личную сокровищницу Совета с завязанными глазами! Правда, за скромный гонорар на покрытие расходов по лечению нервов и душевных ран…

— *Упаси нас Великая Грядка!* — простонал Барон Корнеплод, хватаясь лапками за макушку. — *Хельга, не бери его с собой! От него пахнет перегаром и казёнными нарами! С ним мы точно не доживём даже до первого поворота в Под-*

земье!

На губах Хельги заиграла та самая тонкая, расчётливая полуулыбка.

— Сначала мы передадим этих троих громил капитану Маркусу Вейлу, чтобы он снял с меня обвинения и удвоил охрану членов Совета, — сказала она, проверяя крепление секиры за плечом. — А ты, Мика, протрезвеешь по дороге и покажешь нам, через какой шлюз ушёл человек со свинцовым ларцом.

Глава 3
Паника Графини и улыбка Архимагистра

Спор о высоком искусстве и карета с гербом

Подъём из прокопчённого чрева Нижних Котлов обратно к солнечному свету Верхнего города напоминал всплытие со дна мутного омута.

Каменная лестница Старого Шлюза вилась вдоль гигантских чугунных труб водокачки. Здесь, на стыке ярусов, грохот паровых молотов постепенно стихал, уступая место гулкому эху шагов и крикам речных чаек.

Хельга шла первой. Её высокие чёрные ботинки отбивали чёткий, размеренный ритм по выщербленным ступеням, а тяжёлая двуручная секира за спиной и туго завязанный холщовый мешок с бракованным фиолетовым стеклом у пояса нисколько не нарушали плавной, кошачьей грации её движений. Зато позади неё разворачивалась настоящая словесная баталия.

Мика, успевший по дороге приложиться к своей заветной бутылке кизиловой настойки ещё дважды «исключительно ради дезинфекции голосовых связок», шагал вразвалочку, засунув большие пальцы за ремень своего потёртого бордового дублета, и не сводил влюблённых карих глаз с прямых чёрных волос Хельги, струящихся по её спине. А из нагрудного кармана наёмницы, развернувшись назад через её пле-

чо, торчал Барон Корнеплод и сверлил вора взглядом праведного негодования.

— Нет, ты только посмотри на этого оборванца! — возмущённо вещал клубень, стряхивая с корешков сухую шелуху прямо на каменные ступени. *— Мы знакомы без году неделя, он ещё не отмылся от стекольной сажи, а уже пялится на мою хозяйку так, будто она — бочонок столетнего эльфийского коньяка! Слышишь ты, рыцарь фомки и отмычки, подбери слюни, а то мы сейчас поскользнёмся и улетим обратно к гоблинам!*

— Обижаете, ваше Корнеплодное Сиятельство! — Мика прижал ладонь к груди с видом оскорблённого поэта, ничуть не смущаясь тем, что ведёт светскую беседу с картофелиной. — Мой взгляд — это чистейшее эстетическое преклонение перед красотой! В казематах Северного бастиона, где я имел несчастье гостить на прошлой неделе по ложному навету одного жадного ростовщика, из прекрасного были только плесень на потолке и борода старшего надзирателя. А тут — настоящая валькирия в чёрном! Да ещё и дерётся так, что у меня до сих пор в коленках приятная слабость. Госпожа Хельга, позвольте нескромный вопрос: а ваш очаровательный спутник всегда такой гостеприимный, или его просто в детстве недополивали?

— Меня в детстве удобряли отборным пеплом врагов, пьянчуга! — взвизгнул Барон Корнеплод, грозя Мике крошечным кулачком-корешком. *— И вообще, Хельга, скажи*

ему, чтобы он шёл на три шага позади по ветру! От его кизилового перегара у меня ботва вянет! Мы идём сдавать улики Тайной Страже, а с нами тащится человек, у которого на лбу написано «Десять лет строгого режима с конфискацией»!

Хельга остановилась на верхней площадке шлюза, где узкий тоннель выходил на широкую мощёную площадь перед казармами Третьего участка Тайной Стражи. Она медленно обернулась к Мике.

В ярком дневном свете её зелёные глаза на бледном точёном лице казались почти прозрачными и пугающе холодными. Она окинула вора цепким взглядом с головы до ног, задержалась на его расстёгнутом на две пуговицы вороте и криво висящих ножнах для метательного ножа на бедре.

Не говоря ни слова, Хельга шагнула к Мике вплотную.

Вор замер, перестав дышать, когда густой, тёплый аромат сладкой ванили окутал его с ног до головы. Тонкие пальцы в чёрных перчатках быстро и властно застегнули верхнюю пуговицу его дублета, выровняли лацканы, а затем с силой сдвинули ножны на его поясе ровно на два пальца влево — для идеальной симметрии.

— Ещё один глоток из этой бутылки до того, как мы спустимся в Старый Коллектор, Мика, — тихо, с лёгкой полуулыбкой произнесла Хельга, глядя ему прямо в глаза с расстояния ладони, — и я лично проверю, насколько крепкая шея у лучших взломщиков Врат Ворон. А сейчас спрячься

в тени за водовозной бочкой и жди меня. Если Маркус Вейл увидит тебя рядом со мной, он вспомнит про три нераскрытых кражи со взломом в Купеческом ряду.

Мика судорожно сглотнул, блаженно улыбаясь во все тридцать два зуба:

— Клянусь всеми святыми угодниками, госпожа Хельга… Когда вы угрожаете мне расправой и поправляете мне одежду, я готов сдать сам себя на каторгу, лишь бы вы навещали меня по воскресеньям. Жду за бочкой. Ни глотка. Могила!

Вор ловко, бесшумной тенью скользнул за каменный парапет водокачки, а Хельга повернулась к площади перед участком стражи — и её брови едва заметно сошлись на переносице.

У входа в участок, куда её люди должны были доставить троих связанных громил из стеклодувни, творилось нечто странное.

Помимо двух тюремных фургонов стражи, прямо посреди мостовой стояли две совершенно разные кареты.

Первая походила на передвижную крепость: массивный тёмно-бордовый кузов, обитый стальными пластинами от стрел, тройные решётки на узких окошках и четвёрка тяжеловозов в кожаных попонах с золотым тиснением в виде весов и хлебного колоса. Вокруг этой бронированной кареты суетились шестеро личных телохранителей в дорогих кирасах и двое придворных аптекарей с дымящимися курильницами, отгоняющими «дурной уличный воздух».

А рядом стоял второй экипаж — лёгкий, открытый ландолет из светлого ясеня, запряжённый парой белоснежных скакунов. Никакой охраны, никаких решёток: только скромный серебряный значок Академии Био-Эфира и миниатюрный герб с крылатым кайманом на дверце.

На каменном крыльце участка стоял сам капитан Маркус Вейл с перевязанной рукой — видно, при перевозке пленных бандитов не обошлось без потасовки. А перед ним, обмахиваясь кружевным платком, пропитанным уксусом от заразы, металась дама в пышном платье цвета спелой сливы, увешанная золотыми оберегами от сглаза, ядов и простуды.

Это была **Графиня Де Аборжанц**.

Ей было около сорока пяти, и в её холёном, напудренном лице странным образом уживались две противоположности: маленькие, невероятно цепкие, холодные глаза ростовщицы, способной за копейку пустить по миру целую деревню, и вечно дрожащие в панике губы человека, который каждую секунду ждёт падения неба на землю.

— Это конец, капитан Вейл! Вы слышите меня?! Это начало конца света! — причитала Графиня, прижимая уксусный платок к носу и с ужасом косясь на железные трубы Нижних Котлов. — Сначала в собственной постели умирает посол Иллияр, теперь ваши люди привозят со стеклодувни каких-то головорезов в саже! В городе заговор! Завтра Небесный Свод объявит нам блокаду, послезавтра в Верхнем городе начнётся страшный голод, чернь из Нижних Котлов

поднимет бунт, а из Бледных Рубежей придут мертвецы и сожрут нас всех живьём! Как жить, я вас спрашиваю?! Как пережить эту зиму?!

И тут же, не делая ни малейшей паузы в своих рыданиях, Графиня повернулась к своему управляющему со свитком в руках и ледяным, деловым тоном скомандовала:

— Жак, немедленно отправь гонцов на мои зерновые склады у Южных ворот. Подними отпускную цену на муку и соль втрое. И скупи у полурослико в весь сушёный горох и свечной воск по старому курсу, пока эти идиоты в Совете не объявили военное положение. Если к вечеру начнётся паника — мы заработаем на свечах и сухарях сорок тысяч золотых! — И снова к Вейлу, заламывая руки: — Ох, сердце моё не выдержит! Капитан, почему вы молчите?! Кто защитит бедную, беззащитную вдову от этих таинственных убийц?!

Исцеляющие руки и прищур каймана

— Уверяю вас, дорогая графиня, голод и нашествие мертвецов откладываются как минимум до следующей осени, — раздался с крыльца мягкий, глубокий, удивительно тёплый мужской баритон.

Из дверей участка на солнце вышел человек, при появлении которого даже стражники у фургонов невольно расправили плечи и с уважением склонили головы.

Это был **Архимагистр Микаэ́ль Щур**.

Он выглядел именно так, как должен выглядеть человек, которому доверяет целый город. Высокий, статный, широкоплечий, с прямой, спокойной осанкой. Его тёмно-русые волосы с благородной серебристой проседью на висках были аккуратно уложены набок, открывая высокий лоб интеллектуала. В отличие от мрачных серых плащей стражи и кричащих бархатов аристократов, на Архимагистре был безупречно чистый, ослепительно светлый камзол с коротким воротом, расшитый мельчайшим геометрическим узором в тёмную точку. Слева на груди тусклым изумрудом поблёскивала крошечная брошь в виде крылатого каймана, а левое запястье охватывал узкий матово-чёрный браслет алхимического хронометра.

Щур только что закончил перевязывать раненого сержанта стражи у входа и теперь вытирал руки белоснежным полотенцем, небрежно заложив одну ладонь к поясу. На его лице сияла широкая, открытая, белозубая улыбка — настолько искренняя, располагающая и полная спокойной силы, что даже вечно трясущаяся Графиня Де Аборжанц мгновенно затихла. И только в уголках его тёмных, чуть прищуренных глаз с сеткой мелких морщинок таилась та неуловимая глубина, которую невозможно было прочесть до дна.

— Магистр Щур! — Графиня тут же забыла про свой уксусный платок и подалась к нему, хищно блеснув глазками. — Вы были внутри? Вы осмотрели этих бандитов, которых прислала наёмница Вейла? Скажите мне правду, там нет споровой чумы? Мне не нужно уезжать в загородное поместье? Кстати, Микаэль, раз уж мы встретились… мой управляющий подготовил бумаги на поставку целебного спирта в ваши сиротские приюты. Со скидкой в два процента! Ну, разумеется, в обмен на то, что Академия продлит мне лицензию на соляные прииски…

— О делах поговорим завтра в Совете, графиня, — с мягким, добродушным смешком ответил Микаэль Щур, легко склонив голову. — Сейчас главное, что капитан Вейл и его люди живы. А споровой лихорадки здесь нет, можете спать спокойно. Хотя… кажется, сама виновница сегодняшнего торжества уже здесь.

Щур повернул голову и посмотрел через площадь — пря-

мо на приближающуюся Хельгу.

Когда наёмница в своём глухом чёрном облачении с огромной секирой за спиной подошла к крыльцу участка, между ней и человеком в светлом камзоле повисла короткая, странная пауза.

Хельга остановилась у нижней ступени, заложив руку за пояс.

Она видела Архимагистра Микаэля Щура впервые в жизни — по крайней мере, так твердила её память. Но в тот миг, когда её холодные зелёные глаза встретились с его тёмным, добродушно прищуренным взглядом, глубоко под её рёбрами — там, где спала *Сумеречная Орхидея* — прошёл тихий, глухой толчок. Словно натянутая струна внутри неё вдруг узнала руку мастера, который когда-то её настроил. От кожи Хельги сама собой поплыла густая, тёплая волна аромата сладкой ванили.

За пазухой у неё Барон Корнеплод осторожно выглянул в щёлочку воротника и прошептал одними губами:

— Ух ты, какой важный гусь в белом… Смотри, как лыбится, будто всем вокруг по золотому червонцу подарил. И пахнет от него какой-то больничной мятой и дорогим мылом. Слышишь, Хельга… что-то мне под кожурой от его улыбочки неуютно. Хотя пиджачок у него ровный, тебе должно понравиться!

Но Хельга уже списала странный укол в груди на усталость после драки в стеклодувне. Ведь перед ней стоял человек,

которого боготворил весь город, — целитель бедняков и защитник сирот.

И сам Микаэль Щур смотрел на неё без тени враждебности: напротив, в его широкой улыбке читалось искреннее восхищение статного мужчины и учёного перед редким чудом природы.

— Так вот вы какая, госпожа Хельга, — тепло произнёс Архимагистр, спускаясь на одну ступеньку вниз и глядя на неё со своим фирменным мягким прищуром. — Мой казначей трижды докладывал мне, как вы в одиночку отбили наш обоз с лекарствами у северных мародёров в прошлом месяце, не потеряв ни одной склянки. Я тогда подумал, что он преувеличивает. Но теперь вижу — он даже приуменьшил. Рад наконец поблагодарить вас лично.

— Вы платили золотом, магистр Щур, я отрабатывала контракт, — ровно ответила Хельга, хотя под этим открытым, отеческим взглядом даже её вечная настороженность невольно смягчилась. Она перевела взгляд на капитана Вейла и бросила к его ногам плотно завязанный холщовый мешок. — Три громилы из «Слепого Горна» в твоих камерах, Маркус. А здесь — стеклянный брак из печи мастера Орвина. Осторожнее: не развязывай на солнце и не трогай без перчаток.

Графиня Де Аборжанц, услышав слово «яд», с тихим визгом отпрыгнула за широкую спину Архимагистра:

— Яд?! Она принесла отраву прямо к крыльцу?! Но по-

стойте… — Графиня вдруг жадно принюхалась к ванильному шлейфу, исходившему от Хельги, а её цепкие глазки мгновенно оценили и стойку северянки, и мощь её секиры, и то, как почтительно смотрит на неё капитан Вейл. Страх в глазах аристократки тут же сменился холодной расчётливой выгодой. — Так это вы та самая наёмница, о которой шепчутся в посольстве?! Слушайте меня, милочка! Сколько вам платит этот нищий городской Совет? Десять золотых? Двадцать? Бросайте их! Убийца наверняка охотится за членами Торговой Палаты, а значит — за мной! Я нанимаю вас личной телохранительницей прямо с этой минуты! Будете спать у дверей моей спальни, я плачу сто золотых в неделю и кормлю телятиной! Мы должны держаться вместе, иначе нас всех перережут до полнолуния!

— Мои услуги сегодня не продаются, графиня, — холодно отрезала Хельга, поправляя воротник своей чёрной водолазки. — Советуйте своим поварам проверять лёд в погребах и не зажигать чужих свечей на ночь. Это спасёт вас надёжнее любой секиры.

Капитан Маркус Вейл поднял мешок со стеклянным шлаком и шагнул к Хельге, понизив голос так, чтобы Графиня и её свита не слышали, но стоявший рядом Архимагистр Щур оставался в круге разговора:

— Тот верзила, которого ты пришила железным прутом к окну, пришёл в себя десять минут назад, Хельга. Магистр Щур как раз помог привести его в чувство своими солями.

Бандит клянётся, что не знает имени главного хозяина — их нанял человек по кличке Бледный. Но он проболтался о главном: сегодня до полуночи в городе должны лопнуть ещё две такие же фиолетовые капсулы. И сам Бледный ушёл с ними через заброшенные шлюзы в Подземье, чтобы выйти по старым шахтным стволам прямо под фундаменты Верхнего города.

Микаэль Щур с озабоченным видом покачал головой, осторожно заглянув в развязанный Вейлом край мешка через толстое увеличительное стекло. Увидев фиолетовый блеск шлака (Хельга в этот момент сознательно отвела взгляд в сторону, на белых лошадей ландолета, чтобы снова не попасть под гипноз цвета), Архимагистр нахмурился:

— Аметистовый кварц с примесью глубинной пыльцы… — задумчиво произнёс Щур, и в его бархатном голосе зазвучала искренняя тревога учёного. — Капитан Вейл, госпожа Хельга, боюсь, дело ещё хуже, чем кажется. Тот «Бледный», которого описывают преступники, — не просто наёмный убийца. По всем симптомам это человек, чей разум выжжен споровым паразитом из глубин. Такие существа не чувствуют боли, их мышцы не знают усталости, а удар их кулака способен пробить кованую кирасу. Если вы пойдёте за ним в тёмные тоннели Подземья, Хельга… пожалуйста, будьте предельно осторожны. Обычной сталью его остановить крайне трудно — цельтесь только в шейные позвонки или сухожилия.

Он посмотрел на Хельгу с такой тёплой, неподдельной отеческой заботой и вновь ободряюще улыбнулся, протягивая ей небольшой серебряный флакончик из своего дорожного несессера:

— Возьмите это, дитя моё. Здесь чистый концентрат альпийского зверобоя и эфирной смолы из моей личной лаборатории. Если внизу, в Подземье, вас заденут отравленным клинком или вы потеряете много крови — просто выпейте половину флакона. Он остановит кровотечение и поддержит силы. Город не может позволить себе потерять такую защитницу.

Хельга посмотрела на серебряный флакон на его широкой открытой ладони, затем подняла взгляд на его добрый прищур. Ни один мускул на лице Архимагистра не дрогнул. Ни единой фальшивой ноты.

— Благодарю вас, магистр Щур, — сдержанно кивнула Хельга, убирая флакон в поясную сумку. — Маркус, твои люди перекрыли верхние выходы из шахт?

— Перекрываем прямо сейчас, — ответил Вейл. — Но старых стволов под городом десятки. Если ты знаешь, где именно Бледный вошёл в Старый Коллектор — иди по его следу снизу. Все обвинения с тебя сняты, вот охранная грамота Совета. Но умоляю, Хельга, не лезь на рожон одна! Возьми с собой хотя бы троих моих арбалетчиков!

— Твои арбалетчики в темноте Подземья перестреляют друг друга на первой же развилке, — уголками губ усмехну-

лась Хельга, разворачиваясь к площади, где за водовозной бочкой уже нетерпеливо маячила вихрастая голова Мики. — У меня есть проводник, который видит в темноте не хуже пещерной крысы. Жди сигнала у центрального вентиляционного ствола.

Дама сердца из мусорной кучи и врата Бездны

Обратный путь к заброшенным шлюзам Нижних Котлов лежал через Задние Рыбные Ряды — мрачный лабиринт каменных складов, куда торговцы свозили подгнившие овощи, битую тару и прочий неликвид со всего города.

Хельга шла быстро, сосредоточенно перебирая в уме слова капитана Вейла и Архимагистра Микаэля Щура. Свободная рука то и дело касалась поясной сумки, где лежал подаренный Щуром серебряный флакончик. Её чёрная одежда и высокие ботинки словно рассекали полумрак узких проходов, не собирая на себя уличную копоть.

А вот позади неё перемирие между Микой и Бароном Корнеплодом продержалось ровно четыре минуты.

Проходя мимо развалившейся плетеной корзины с овощными отходами, сваленной у глухой кирпичной стены, Мика вдруг резко притормозил. Его цепкий воровской глаз выхватил среди капустных листьев и луковой шелухи средних размеров обычную картофелину — гладкую, розовато-жёлтую, с кокетливым изгибом посредине и двумя симпатичными ямочками-глазками.

Мика присел на корточки и брезгливо двумя пальцами выудил клубень из кучи.

Торчавший из-за плеча Хельги Барон Корнеплод тут же презрительно скривился:

— О, полюбуйтесь на нашего благородного взломщика! Хельга, я же говорил — он окончательно деградировал от своего портвейна! Сначала спал в мешке из-под муки, а теперь на глазах у приличного общества роется в помойке! Что дальше, Мика? Будешь драться с портовыми крысами за рыбьи головы?

Мика хитро прищурился, бережно обтер находку об рукав своего бордового дублета, подбросил её на ладони и расплылся в ехидной ухмылке:

— Зачем же для себя, ваше Корнеплодное Высочество? Я человек широкой души — забочусь о ближнем! Смотри, какую фигуристую блондинку я тебе нашёл! Формы — закачаешься, кожура гладкая, и главное — молчит, в отличие от тебя! Держи, Барон, скрасит твоё холостяцкое одиночество в тёмных пещерах!

И с этими словами вор лёгким, снайперским щелчком кисти запустил картофелину по навесной дуге — точно в грудь Хельги, прямо туда, где из отсека перевязи выглядывал Барон Корнеплод.

— Ай! Тьфу ты, пакость какая! — Барон от неожиданности взвизгнул, когда гладкий клубень шлёпнулся прямо ему в корневые лапки, едва не сбив его с ног обратно в сумку. *— Ты что творишь, уголовник проспиртованный?! Сам женись на своих помойных находках! Я — Барон голубых*

кровей, элитный магический гомункул, а это… это же бездушный суповой набор! Убери её от меня немедленно!

Под смех Мики и возмущённое шипение Барона Хельга даже не обернулась — лишь холодно бросила через плечо:

— Если вы оба не заткнётесь через три секунды, я оставлю вас наедине у этой корзины. Мы пришли.

Они стояли перед Старым Коллектором.

Когда-то, сотни лет назад, здесь проходил главный дренажный тоннель древних гномов, уводящий грунтовые воды в верхние пещеры Подземья. Сводчатая арка из циклопических блоков чёрного базальта, покрытая склизким белёсым лишайником, была перегорожена массивной чугунной решёткой с руку толщиной. На решётке висел пудовый ржавый замок со сбитой сургучной печатью городской стражи, а из самой темноты за прутьями тянуло ледяным, мёртвым сквозняком и тяжёлым запахом сырого известняка, стоячей воды и чего-то древнего, хищного.

Мика подошёл к решётке, мгновенно став собранным и серьёзным. Он провёл пальцами по дужке замка и тихо свистнул:

— Ого. А замочек-то не взломали отмычкой. Посмотрите на стальной язычок ригеля, госпожа Хельга.

Хельга шагнула ближе, вглядываясь своими яркими зелёными глазами в металл.

Кованая сталь толщиной в два пальца не была распилена — её просто вывернули с мясом одним чудовищным рывком

голой руки, оставив на ржавом железе глубокие вмятины от пальцев. А на каменном пороге за решёткой темнело бурое пятно свернувшейся крови и валялся обрывок грязного бинта, от которого слабо пахло болотной гнилью и приторной, фальшивой ванилью.

— Магистр Щур был прав, — тихо произнесла Хельга, снимая со спины свою огромную двуручную секиру и проверяя баланс древка в ладонях. — У этого «Бледного» нечеловеческая сила. И он ранен или гниёт заживо — его симбионт пожирает его тело быстрее, чем он успевает менять повязки. Мика, зажги факел и держись за моим левым плечом. Вперёд не лезь.

Вор послушно высек искру огнивом, зажёг пропитанный смолой факел, найденный в настенном кольце, а в левую руку взял длинный узкий стилет из воронёной стали.

— За вашим плечом, прекрасная Хельга, я готов идти хоть в пасть к подземному дракону, — вполголоса отозвался он, толкая тяжёлую скрипучую решётку. — Только учтите: в Старом Коллекторе на третьей развилке обвалился потолок, и снизу из Бездны Корней туда повадились лазать слепые падальщики. А Бледный вчера шёл именно туда.

Кровь на чёрном камне и тайна на дне сумки

Первые двести шагов тоннель шёл полого вниз.

Под высокими чёрными ботинками Хельги хлюпала тонкая плёнка чёрной воды, а по стенам в неверном, прыгающем свете факела Мики метались уродливые длинные тени. Идеальный порядок, который так любила Хельга, здесь отсутствовал как понятие: своды были изъедены трещинами, из щелей свисали бледные, похожие на мёртвые пальцы корни подземных грибов, а воздух был настолько густым и сырым, что каждый вдох оседал на губах вкусом мокрого мела и железа.

Барон Корнеплод полностью спрятался за пазуху, оставив снаружи только кончик зелёного чубчика, и тревожно молчал — инстинкт подземного создания кричал ему, что впереди творится что-то очень нехорошее.

Тоннель вывел их в просторный круглый зал старого подземного резервуара. Когда-то здесь сходились четыре водовода, но теперь посреди зала зиял огромный чёрный провал, уходящий прямо в верхние пещеры Подземья. Вокруг провала валялись обломки древних каменных колонн.

И прямо на краю обрыва, спиной к ним, стоял человек.

Высокий, неестественно худой, в длинном плаще, неко-

гда бывшем серым, а теперь пропитанном бурыми пятнами сукровицы. Его шея до самого подбородка была замотана грязными тряпками, сквозь которые проступали вздувшиеся фиолетово-чёрные вены. В левой руке он сжимал тот самый массивный свинцовый ларец, о котором рассказывал гоблин Бабен.

Когда свет факела упал на его спину, Бледный медленно, с жутким сухим хрустом шейных позвонков повернул голову на сто восемьдесят градусов.

У него было лицо человека, который умер неделю назад, но чьё тело отказывалось об этом знать. Восковая, натянутая на скулы кожа, бескровные синие губы и абсолютно пустые, залитые мутной аметистовой пеленой глаза. От него волнами шёл тяжёлый, удушливый запах сладкой ванили, смешанный с трупным холодом.

— Не ходи… за мной… сестра… — голос Бледного походил на скрежет ржавого гвоздя по стеклу; казалось, говорил не он сам, а проросший сквозь его связки паразит. — Хозяин… велел… доставить… только две… Ты… ещё не готова…

— Оставь ларец на камне, — ледяным голосом приказала Хельга, перехватывая двуручную секиру обеими руками и выходя вперёд. Её зелёные глаза в отблесках факела горели ярким изумрудным пламенем. — Кто твой хозяин? Кто дал тебе фиолетовые капсулы?!

Бледный не ответил. Вместо этого он коротким, чудо-

вищно резким ударом каблука обрушил подгнившую каменную подпорку у края провала, бросил под ноги стеклянную склянку с густой тёмной кровью — приманкой для хищников Подземья — и, прижав свинцовый ларец к груди, одним нечеловеческим прыжком сиганул прямо в темноту шахтного ствола, зацепившись пальцами за ржавую цепь подъёмника.

А из чёрного провала на запах разлитой крови уже неслось сухое, многоногое щёлканье когтей и утробное шипение.

— *Ох, мамочки, мы трупы!* — заорал из-за пазухи Барон Корнеплод. — *Он спустил на нас глубинных ползунов! Я же говорил, не надо было сюда идти!*

В следующую секунду из провала, цепляясь кривыми серповидными когтями за края каменной кладки, на пол резервуара выбрались две твари.

Это были слепые пещерные вараны-костеломы — полуторасаженные рептилии Подземья, чьи приплюснутые тела были покрыты бугристым костяным панцирем цвета мокрого сланца. У них не было глаз — только широкие пульсирующие ноздри-щели по бокам вытянутых челюстей, усеянных тремя рядами загнутых внутрь зубов, с которых капала густая слюна, разъедающая камень.

Первая тварь мгновенно учуяла живое тепло Хельги и её ванильный шлейф. С коротким свистящим выдохом полутонная туша рептилии рванулась вперёд со скоростью выпущенного из арбалета болта.

Это были не уличные бандиты из стеклодувни. Здесь не работали ни женский шарм, ни изящные увороты.

Хельга встретила рывок монстра широким махом двуручной секиры, вложив в удар всю доступную ей скрытую кинетику. Тёмное лезвие со страшным металлическим лязгом обрушилось на бронированный череп варана, выбив сноп белых искр. Удар, который разрубил бы пополам боевого коня, лишь пробил костяной гребень твари на два пальца, брызнув густой тёмно-багровой кровью, но не остановил инерцию туши!

Тяжёлое плечо варана на полном ходу протаранило Хельгу.

Даже с кинетической защитой удар был такой чудовищной силы, что у девушки перехватило дыхание. Её оторвало от мокрых плит и со всего размаху швырнуло спиной об обломок каменной колонны. Острый край базальта пропорол плотную чёрную ткань на её левом плече, глубоко рассекая кожу и мышцы. По руке под курткой мгновенно потекла горячая, липкая струя собственной крови.

— Госпожа Хельга! — отчаянно крикнул Мика.

Забыв про собственную трусость и пьяные шуточки, вор метнулся наперерез второму варану, который уже заходил к оглушённой Хельге с фланга, разевая зубастую пасть. Мика швырнул горящий факел прямо в раскрытую глотку рептилии, а сам в прыжке всадил свой воронёный стилет по самую рукоять в мягкую складку кожи под нижней челюстью твари!

Второй варан взвыл, мотая башкой и изрыгая клубы дыма, но ударом мускулистого бронированного хвоста смахнул Мику, как тряпичную куклу. Вор с глухим стоном проехал по мокрой щебёнке, разбив в кровь лоб, и затих у стены, потеряв стилет.

Хельга с трудом поднялась на одно колено у колонны. Левая рука слушалась плохо, из глубокой раны на плече толчками вытекающей кровью пропитался рукав её безупречной чёрной водолазки, а во рту стоял солёный медный привкус. Во время удара о камень её дорожная сумка сорвалась с оборванного ремня и отлетела к центру зала, рассыпав по грязным плитам флягу, кисет и серебряный флакон Щура.

Первый варан, взбешённый раной на голове, из которой хлестала чёрная кровь, уже нависал прямо над ней. Его слепая морда оскалилась в двух шагах от её лица, а передняя лапа с когтями длиной с кинжал взметнулась для последнего, добивающего удара.

Времени на замах тяжёлой секирой не было. Левая рука висела плетью.

И тогда внутри Хельги — на грани боли, ярости и смертельной угрозы — прорвало плотину.

Сумеречная Орхидея в её груди словно взревела, спасая своего носителя. Аромат сладкой ванили вокруг девушки стал таким плотным, горячим и концентрированным, что воздух над её плечами задрожал, как над раскалённым горном. А зелёные глаза Хельги в полумраке подземелья вспых-

нули чистым, неземным изумрудным светом.

Когда когтистая лапа твари пошла вниз, Хельга не стала блокировать её древком. Она выбросила вперёд свою окровавленную левую ладонь с растопыренными пальцами и крикнула — коротко, яростно, вкладывая в этот жест всю свою ненависть к хаосу и смерти.

Из её ладони сорвался видимый глазом полупрозрачный воздушный таран.

Это была уже не скрытая кинетика в мышцах — это был первый осознанный выброс чистой сырой магии. Невидимый кулак сжатого эфира с грохотом пушечного выстрела ударил варана снизу в грудную клетку. Бронированную рептилию с хрустом ломающихся рёбер подбросило вверх под самый свод зала!

А правой рукой Хельга, вскочив во весь рост, крутанула двуручную секиру над головой. Лезвие метеоритной стали, окутанное белым эфирным свечением, со свистом пошло по дуге и встретило падающую тварь на лету — одним страшным, брызжущим горячей кровью и осколками костей ударом отсекая голову варана от туловища!

Обезглавленная туша с глухим стуком рухнула на камни, заливая пол дымящейся тёмной кровью.

Второй варан, всё ещё трясущий башкой с воткнутым в горло стилетом Мики, рванулся было на неё следом. Но Хельга, тяжело дыша и морщась от острой боли в разодранном плече, сделала широкий выпад вперёд, ушла под сме-

тённый в пустоту удар челюстей и с разворота вогнала верхний рог своей секиры глубоко под переднюю лапу зверя — прямо в сердце.

Тварь судорожно дёрнулась, захрипела, заливая высокие чёрные ботинки Хельги густой кровью, и завалилась на бок.

Несколько долгих секунд в зале резервуара было слышно только тяжёлое, прерывистое дыхание Хельги, капель воды со сводов да шипение догорающего в углу факела.

Как только боевой транс схлынул, магия отступила, оставив после себя свинцовую слабость во всём теле и дикую, пульсирующую боль в левом плече. Пальцы Хельги разжались, тяжёлая секира с лязгом опустилась обухом на камень, а сама девушка медленно сползла спиной по обломку колонны на холодный пол, зажимая правой ладонью кровоточащую рану.

Из-под её изорванного, мокрого от крови ворота пулей выскочил перепуганный насмерть Барон Корнеплод. Весь его обычный сарказм слетел в одну секунду — маленькие корневые лапки дрожали, когда он подбежал к её шее:

— Хельга! Картошечка моя… то есть Хельга, ты жива?! У тебя же там полруки распорото! Мика, пьянь бесполезная, ползи сюда живо, тащи бинты из сумки, она сейчас вся вытечет на этот грязный пол!

Мика, шатаясь и прижимая рукав к разбитому лбу, по которому текла струйка крови, на четвереньках дополз до рассыпавшейся посреди зала дорожной сумки Хельги.

— Сейчас… сейчас, госпожа Хельга, держитесь, — хрипло бормотал вор, лихорадочно шаря руками по полу и собирая рассыпавшиеся вещи обратно в сумку. — Где тут у вас перевязка… О, вот этот серебряный пузырёк от магистра Щура, сейчас промоем…

И в этот момент Мика случайно перевернул открытый боковой карман сумки.

Оттуда, развернувшись из тонкого кружевного платочка, прямо на окровавленные каменные плиты между двумя разрубленными монстрами весело и звонко выкатилась… та самая гладкая розовато-жёлтая картофелина из мусорной корзины.

Она прокатилась по кругу и остановилась точно у колена израненной Хельги.

В зале повисла абсолютная, гробовая тишина.

Мика замер с бинтами в руках. Он медленно перевёл ошарашенный взгляд с картофелины на полу — на Барона Корнеплода, сидевшего на здоровом плече Хельги. Даже сама Хельга, стиснувшая зубы от боли, приоткрыла один зелёный глаз и уставилась на находку.

— Подожди… — тихо, шёпотом произнёс Мика, забыв про свой разбитый лоб. — Ты… ты её с собой забрал?! В чистый платочек завернул?! Барон, ты сейчас серьёзно?! Это же шутка была! Мы из помойки шли!

Барон Корнеплод густо покраснел — насколько вообще может покраснеть покрытый землёй клубень. Он смущённо

потупил глазки-бусинки, начал нервно теребить корешками край воротника Хельги и откашлялся в кулачок:

— *Кхм… Ну а что такого?!* — вдруг фальцетом взвизгнул он, отчаянно пытаясь вернуть себе важность, хотя ушилистики на макушке предательски дрожали от смущения. — *Между прочим, я не для того её взял! Я просто… я не мог оставить представительницу своего вида гнить в антисанитарных условиях среди гнилой капусты! Это гуманитарная миссия! И вообще… может, у неё богатый внутренний мир! Ты посмотри, какие у неё глазки симпатичные! Что, по-твоему, если ты боевой гомункул, так тебе и слова тёплого в тёмной пещере сказать некому?! Картофелю, между прочим, тоже любовь нужна! Положи её обратно в платочек и не смей трогать грязными руками!*

Хельга, всё ещё бледная от потери крови, смотрела на пунцового от смущения Барона Корнеплода и вдруг, превозмогая острую боль в плече, тихо, искренне рассмеялась, прислонив голову с прямыми чёрными волосами к холодному камню.

— Убери даму сердца Барона в чистый карман, Мика, — слабо улыбнулась она уголками губ. — И дай сюда флакон магистра Щура. Нам ещё догонять твоего Бледного…

Глава 4
Глоток чужого серебра и тропы Бездны

Холодный металл и шёпот под кожей

Запах крови пещерных варанов был густым, тяжёлым и отдавал ржавым болотом. В круглом зале заброшенного резервуара, под сводами Старого Коллектора, догорающий факел в углу трещал последними каплями смолы, выхватывая из темноты две обезглавленные и распоротые туши бронированных рептилий.

Хельга сидела, прислонившись спиной к холодному базальтовому обломку колонны. Её лицо с чётко очерченными высокими скулами было бледнее обычного, а на лбу у линии прямых чёрных волос выступила холодная испарина. Левое плечо под разорванной в клочья матово-чёрной водолазкой горело так, словно в рану провернули раскалённую кочергу. Выброс чистой кинетической магии, которым она только что подбросила полутонную тварь к потолку, выпил из неё столько сил, что даже кончики пальцев в перчатках мелко подрагивали.

Но даже сейчас, истекая кровью на мокром камне, Хельга с отвращением смотрела на собственные высокие чёрные ботинки, забрызганные бурой сукровицей монстров, и на криво лежащие вокруг рассыпанные вещи из сумки.

— Если я сейчас потеряю сознание, Мика, — тихо, сквозь

стиснутые зубы произнесла она, — а ты замотаешь мне плечо кривым узлом, я приду к тебе с того света.

Мика, только что бережно (под свирепым и одновременно жутко смущённым надзором Барона Корнеплода) уложивший злополучную розовую картофелину из помойки обратно в боковой карман сумки, нервно хохотнул, вытирая рукавом дублета кровь со своего рассечённого лба.

— Клянусь честью всех воровских гильдий Срединного Тракта, госпожа Хельга, узелок будет завязан бантиком, как на подарочной шкатулке! — Вор подполз ближе, держа в одной руке чистый льняной бинт, а в другой — маленький гранёный флакон из матового серебра с гербом крылатого каймана на пробке. — Вот, держите подарок нашего святого благодетеля магистра Щура. Выпейте, как он велел, а то на вас лица нет.

Барон Корнеплод, сидевший на правом, целом плече Хельги, подозрительно покосился на серебряный пузырёк. Маленький клубень вытянул шею и шумно втянул воздух.

— *Стой, не пей сразу с горла!* — тревожно пропищал Барон, переступая корешками по чёрной ткани её ворота. — *Дай понюхаю! А то знаю я этих бесплатных лекарей в белых кафтанах — сегодня он тебе микстуру дарит, а завтра счёт за лечение пришлёт такой, что придётся мою ботву в ломбард сдавать!*

Хельга отвернула тяжёлую серебряную пробку.

Из горлышка флакона пахнуло резким, морозным аро-

матом горного зверобоя, мяты и чем-то ещё — глубоким, неуловимо сладковатым и до странности знакомым. Точно такой же тонкий аптекарский дух исходил от самого Архимагистра Микаэля Щура на крыльце участка и, по словам старого стеклодува Орвина, от таинственного заказчика в сером плаще. Но сейчас, сквозь пульсирующую боль в разодранных мышцах плеча, думать о совпадениях было некогда: внизу, в шахтном стволе, уходил Бледный со свинцовым ларцом.

— Пахнет травами и эфирной смолой, Картошка. Не каркай под руку, — выдохнула Хельга, поднесла флакон к полным губам и сделала ровно один глоток, как советовал Архимагистр, а ещё несколько капель густой серебристой жидкости вылила прямо на открытую рану на левом плече.

Эффект наступил мгновенно — и он совсем не походил на действие обычного заживляющего отвара.

Едва капли коснулись рассечённой плоти, а глоток обжёг горло, как внутри груди Хельги — там, где вокруг её сердца обвились невидимые корни *Сумеречной Орхидеи*, — проснулся настоящий вихрь.

Симбионт не просто принял эликсир Щура — он жадно набросился на него, словно изголодавшийся зверь на кусок сырого мяса. По венам девушки от сердца к левому плечу ударила волна странного, ледяного жара. Края глубокой рваной раны на глазах у изумлённого Мики перестали кровоточить: тончайшие, едва различимые глазом полупрозрачные нити в глубине тканей стянули мышцы с сухой, пугающей

быстротой. Боль выключилась, будто кто-то повернул рычаг.

Но в ту же секунду перед внутренним взором Хельги полыхнула короткая, ослепительная вспышка благородного фиолетового цвета.

На одно краткое мгновение — длиною в удар сердца — ей показалось, что она снова лежит на холодном каменном столе в ослепительно светлом зале, не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой, а сверху на неё смотрит размытый силуэт широкоплечего человека и звучит мягкий, бесконечно добрый голос: *«Спи, моя девочка. Скоро ты станешь совершенством…»*

Хельга резко вздрогнула, хватая ртом воздух. Видение исчезло так же внезапно, как и появилось.

В зале резервуара запахло такой густой, концентрированной, одурманивающей сладкой ванилью, что у Мики закружилась голова, и он невольно опёрся ладонью о пол, глядя на наёмницу расширенными глазами.

— Э-э-э… госпожа Хельга? — севшим голосом прошептал вор, глядя, как она совершенно свободно двигает только что изувеченным левым плечом. — У вас глаза сейчас… будто два зелёных фонаря в тумане горят. Что этот магистр Щур намешал в свой зверобой? Живую воду с драконьим перцем?!

— Не знаю, — глухо ответила Хельга, поднимаясь во весь рост.

Сила вернулась в её тело с избытком — мышцы звенели

от избытка кинетической энергии, секира в руке снова казалась невесомой, но где-то на самом дне сознания остался холодный, липкий осадок. Эликсир исцелил её тело, но почему-то после этого глотка ей до боли, до дрожи в пальцах захотелось прямо сейчас развязать кисет на поясе и хотя бы одним глазком взглянуть на фиолетовый осколок из спальни посла.

Она с усилием подавила этот странный порыв, спрятала початый флакон Щура в самый дальний карман, а затем достала чистый платок и принялась методично, до идеального блеска оттирать свои высокие чёрные ботинки от крови варанов. На разорванный рукав водолазки она наложила тугую, идеально ровную повязку из чёрного шёлкового шарфа, полностью скрыв следы ранения.

— *У меня от этой вашей аптеки мороз по кожуре прошёл,* — мрачно пробормотал Барон Корнеплод, забираясь обратно в нагрудный карман, подальше от того места, где лежал серебряный флакон. — *Не нравится мне этот улыбчивый доктор в горошек, Хельга. Ой не нравится! Давай в следующий раз лечиться подорожником и настойкой этого алкоголика, так оно надёжнее для психики!*

Хельга подошла к краю чёрного провала в центре зала, куда несколько минут назад прыгнул Бледный.

Вниз, в бездонную темноту, уходила массивная якорная цепь старого грузового подъёмника, звенья которой были толщиной с мужское предплечье. Далеко внизу, на глубине

не меньше двух сотен саженей, в абсолютной черноте виднелось слабое, призрачное голубовато-зелёное свечение — биолюминесцентные мхи и кристаллы первого яруса Подземья.

На одном из верхних звеньев цепи темнел мазок свежей сукровицы, пахнущий болотной ванилью.

— Он спустился по цепи в Верхнюю Галерею Бездны Корней, — сказала Хельга, закрепляя секиру за спиной. — Мика, ты говорил, что знаешь подземные тропы контрабандистов под столицей. Куда ведёт эта шахта?

Мика подошёл к краю, осторожно заглянул в пропасть, достал из обломков свой воронёный стилет, вытер его о штаны и серьёзно ответил:

— Прямо под нами Перекрёсток Слепых Вод, госпожа Хельга. Это нейтральная территория между катакомбами людей и верхними факториями сумеречных эльфов. Оттуда расходятся три старых рудовозных тоннеля, которые идут прямо под фундаменты Верхнего города: один ведёт под здание Высшего Совета, второй — под Казначейство и кузницы гномов-Кхалдаров, а третий — под особняки Торговой Палаты. Если Бледный несёт две оставшиеся капсулы смерти туда, то снизу он пройдёт под любые закрытые ворота стражи.

— Значит, мы пойдём за ним по пятам, — отрезала Хельга, берясь руками в плотных кожаных перчатках за холодное звено цепи. — Обвяжи себя верёвкой вокруг моего пояса,

Мика, и закрой глаза, если боишься высоты. Мы спускаемся быстро.

— Дамочка, я с карниза Королевского банка по водосточной трубе спускался с двумя мешками серебра в зубах! — оскорблённо заявил вор, но верёвку к её поясу привязал с подозрительной поспешностью и на тройной морской узел. — Только умоляю, не тормозите каблуками о моё лицо!

Бездна Корней и чужие следы в фосфорном свете

Спуск в Подземье не походил на обычный поход в пещеру — это было погружение в совершенно иной, чуждый людям мир, существовавший по своим древним законам.

Хельга скользила вниз по вертикальной цепи, используя скрытую кинетику как тормоз: её руки в перчатках то отпускали металл, позволяя им с Микой стремительно проваливаться в темноту, то плавно гасили инерцию без единого рывка. Барон Корнеплод за пазухой зажмурился и вцепился одной лапкой в край воротника, а другой — через ткань сумки — придерживал боковой карман, чтобы его новообретённая «подружка» не вылетела в пропасть.

Через три минуты стремительного падения каменная горловина шахтного ствола расступилась, и они выскользнули под исполинский свод Бездны Корней.

Мика, приземлившись на ноги в двух шагах от Хельги, невольно задрал голову и тихо присвистнул, забыв даже про свою фляжку.

Над ними, на высоте целого квартала, простирался каменный купол колоссальной каверны, пронизанный миллионами гигантских окаменевших и живых древесных корней, которые пробивались сюда сквозь толщу земли из лесов и пар-

ков поверхности. По этим переплетённым корням, словно жидкое серебро по венам, струились тонкие ручейки грунтовых вод, светящиеся мягким бирюзовым и изумрудным фосфорным светом.

Дно каверны устилал плотный ковёр пепельно-серого подземного мха, глушившего шаги, а вдоль подземной реки, чья чёрная, как чернила, вода бесшумно текла среди базальтовых валунов, высились причудливые коралловые наросты из кальцита и светящихся кристаллов кварца. Вдалеке, в расщелинах скал, виднелись тусклые жёлтые огоньки — сторожевые посты и контрабандные притоны подземных обитателей, куда не смела соваться городская стража Врат Ворон.

Воздух здесь был холодным, разреженным и звенел от далёких, странных звуков: сухого стрекотания гигантских пещерных сверчков, гулкого капанья сталактитов и еле слышного шёпота сквозняков в тысячах тоннелей.

В этом бирюзовом фосфорном полумраке фигура Хельги в глухом чёрном облачении с прямыми глянцевыми волосами и ярко горящими зелёными глазами выглядела почти мистически — словно древняя богиня ночи, сошедшая в чертоги теней.

Она опустилась на одно колено у подножия цепи и прикоснулась пальцами к серому мху.

След Бледного читался отчётливо: глубокие, неровные вмятины сапог (он прихрамывал на левую ногу после прыжка с большой высоты) и редкие чёрно-фиолетовые капли на

светящемся лишайнике. Там, куда падала эта капля из-под его шейной повязки, живой подземный мох мгновенно сворачивался и чернел, испуская тонкую струйку пара с приторным ванильным душком.

— Наш клиент торопится, — вполголоса сказал Мика, присаживаясь рядом и доставая из нарукавного крепления пару тонких метательных ножей взамен погнутого стилета. — И смотрите, куда он свернул, госпожа Хельга. Он не пошёл к обжитым рынкам сумеречных эльфов на западе. Он двинул прямо через Паучью Теснину к старому подъёмнику под Кузнечным бастионом гномов и дворцом Торговой Палаты.

Из-за ворота Хельги тут же высунулась возмущённая голова Барона Корнеплода:

— Как ты сказал?! «Паучья Теснина»?! Вы вообще слышите названия мест, куда мы ходим?! «Слепой Горн», «Старый Коллектор», теперь «Паучья Теснина»! Почему мы ни разу не пошли в «Долину Мягких Подушек» или «Переулок Бесплатного Чернозёма»?! Хельга, я официально заявляю протест! Там водятся восьмиглазые твари размером с карету графини! Они плетут паутину из стальной проволоки и высасывают соки из путешественников! У меня в себе девяносто процентов благородного картофельного сока, я для них — ходячий пакетик с напитком! Мы там точно сдохнем!

— Паучья Теснина сокращает путь до вертикальных шахт

Верхнего города на два часа, — холодно ответила Хельга, поднимаясь и поправляя ремень двуручной секиры. Её взгляд скользнул по криво висящему дорожному фонарю на древнем каменном столбе у входа в расщелину; подойдя к столбу, она машинально поправила фонарь, чтобы он висел строго вертикально. — Если Бледный пошёл через гнездовья прядильщиков, значит, у него приказ заложить капсулы до вечерней смены караулов. И у него есть чем отпугнуть пауков — его кровь для них ядовита.

— А наша кровь для них — первоклассный аперитив с кизиловой настойкой и ванильным десертом, — мрачно заметил Мика, но всё же решительно шагнул следом за ней в узкое ущелье между двумя нависающими скалами. — Ладно, живём один раз. Только держитесь центра тропы, госпожа Хельга, и не задевайте белые нити на камнях. Если дёрнем сигнальную струну — с потолка свалится вся семейка вместе с бабушкой-маткой, а рядом с этим Бледным они уже наверняка растревожены…

Они вошли в Паучью Теснину.

Своды здесь смыкались высоко вверху, образуя узкий каменный каньон, затянутый густым белёсым туманом. И повсюду — от стены до стены, переплетаясь с древними корнями деревьев — тянулись толстые, в палец толщиной, серебристо-серые канаты паутины. Они не походили на обычную липкую сеть: это были упругие, прочные как корабельный такелаж нити глубинных пауков-прядильщиков, покры-

тые мельчайшими каплями парализующей росы. В коконах, подвешенных под потолком на высоте десяти саженей, угадывались высохшие силуэты диких пещерных гоблинов, слепых оленей и даже нескольких неосторожных рудокопов в ржавых кольчугах.

Хельга шла первой, ступая своими высокими ботинками с абсолютной, хищной беззвучностью. Секира уже была в её руках.

Пройдя около сотни шагов по извилистому дну ущелья, они увидели то, что заставило даже бывалого Мику остановиться и перекреститься по старому речному обычаю.

Посреди тропы лежал разрубленный пополам молодой паук-прядильщик размером с крупного волка — его хитиновый панцирь был не пробит оружием, а буквально разорван голыми руками и сожжён изнутри чёрно-фиолетовой гнилью. Бледный прошёл здесь не больше десяти минут назад. И, убив разведчика стаи, он специально оставил разорванную тушу на виду, зная, что на запах убитого сородича со всех верхних ярусов каньона сейчас сбегутся взрослые особи — прямо навстречу тем, кто идёт по его следу.

Сверху, из густого тумана под сводами каньона, донёсся сухой, ритмичный, леденящий душу звук — словно десятки костяных молоточков одновременно застучали по камню:

Клац-клац-клац… Ш-ш-ш-ш…

По серебристым канатам паутины сверху вниз побежала мелкая дрожь.

— *Ох, я же говорил…* — обречённо пискнул из кармана Барон Корнеплод, прячась глубже за пазуху Хельги. — *Сейчас нас будут пеленать!*

— Мика, к скале спиной ко мне! — скомандовала Хельга, перехватывая двуручную секиру широким хватом, и в её зелёных глазах отразился блеск первых восьми пар голодных рубиновых глаз, проступивших сквозь туман прямо над их головами. — Огонь береги для паутины. Сейчас будет долго.

Бег по лезвию и стальная жатва

Стоять на месте в Паучьей Теснине означало верную смерть. Стая глубинных прядильщиков никогда не атаковала в лоб поодиночке — они брали жертву измором, сплетая вокруг неё многослойную клетку из клейких канатов, пока добыча не задыхалась в собственном поту и парализующем яде.

— Мы не держим оборону, Мика! — крикнула Хельга, и её голос разорвал сухой шелест сотен лап, спускающихся с потолка. — Мы прорываемся вперёд на бегу! Держись в двух шагах за моим правым плечом, поджигай нижние сети и режь всё, что проскочит мимо моего лезвия!

— Бежать вперёд навстречу неизвестности в компании прекрасной дамы — это моё любимое занятие после покера! — отозвался Мика, перехватывая в левую руку просмолённый факел, а в правую — длинный метательный клинок, и тут же выдернул зубами пробку из фляжки с крепчайшим гоблинским спиртом, закреплённой на поясе. — Ваше Корнеплодное Сиятельство, пристегните корни, мы взлетаем!

— *Я сейчас вас обоих прокляну!* — заверещал из нагрудного кармана Барон Корнеплод, вцепившись одной лапкой в воротник водолазки Хельги, а второй отчаянно прижимая через ткань боковой карман сумки со своей драгоценной розовой картофелиной. — *Там спереди вообще стена из лап!*

Мы бежим прямо к ним в желудок!

Хельга не ответила — она сорвалась с места в стремительный, хищный рывок.

Сверху, прорывая густой белёсый туман, прямо перед ней на упругих серебристых тросах рухнули сразу три взрослых паука-прядильщика. Каждый был размером с боевого жеребца: раздутые чёрно-серые брюха, покрытые жёсткой, как проволока, щетиной, восемь длинных суставчатых лап, заканчивающихся зазубренными костяными серпами, и массивные жвалы-хелицеры, с которых капал мутный желтоватый яд, шипящий на камнях.

Первый паук выбросил вперёд две передние лапы, рассчитывая наколоть бегущую женщину на костяные крючья.

Хельга даже не сбавила шага. На полном бегу она ушла в низкий, скользящий подкат по мокрому сланцу — когти твари просвистели в вершке над её глянцевыми чёрными волосами, — а её двуручная секира, разгоняемая импульсом скрытой кинетики, описала снизу вверх чудовищную восходящую дугу.

Лезвие из метеоритного железа с глухим, сочным хрустом вошло пауку точно в сочленение головогруди и развалило тварь надвое от челюстей до брюха! Вонючая зеленовато-бурая гемолимфа брызнула фонтаном во все стороны, заливая каменные стены и края её чёрной куртки, но Хельга уже пружиной взмыла с колена вверх, используя инерцию первого удара для разворота.

Второй прядильщик прыгнул на неё справа со скального выступа, на лету выплёвывая из прядильных желёз плотный веер липкой серебристой сети.

— Огонь, Мика! — скомандовала Хельга.

Мика, бегущий за её плечом, набрал в рот полный глоток гоблинского спирта из фляжки и с выдохом выплюнул его сквозь пламя своего факела — прямо навстречу летящей паутине.

В узком ущелье взметнулся ревущий огненный шар! Спиртовое пламя в долю секунды сожгло липкую сеть в воздухе, опалив мохнатые лапы летящего паука. Ослеплённая огнём тварь с визгливым шипением промахнулась и рухнула на камни в шаге от Хельги.

Девушка не дала монстру подняться: она в прыжке приземлилась каблуками своих высоких ботинок прямо на хитиновый панцирь паука и двумя руками с размаху вогнала широкое полотно секиры вертикально вниз — прямо между восьмью рубиновыми глазами. Хитин треснул, как ореховая скорлупа под кузнечным молотом; лапы твари судорожно подогнулись, но прежде чем паук издох, третий хищник достал Хельгу с левого фланга.

Зазубренный серп паучьей лапы со скрежетом чиркнул по древку секиры и прошил кожу на её левом предплечье, оставив глубокую, рваную борозду от запястья до локтя. В рану тут же попала капля жгучей паучьей слюны — руку от локтя до пальцев прострелило ледяным онемением.

Хельга глухо рыкнула сквозь стиснутые зубы, перехватила тяжёлую секиру одной правой рукой и, крутанувшись на каблуке, обратным ударом обуха с такой нечеловеческой силой впечатала паука в скалу, что у того лопнул панцирь на спине, а саму тварь размазало по базальту кровавым месивом.

— Не останавливаться! — крикнула она, хотя левая рука слушалась через силу, а из рассечённого предплечья по чёрному рукаву стекала алая кровь, смешиваясь с бурой паучьей жижей. — Впереди сужение!

Они неслись сквозь ущелье, превратившись в единый смертоносный вихрь из тёмной стали, огня и крови.

Сверху и из боковых расщелин на них сыпались всё новые и новые твари. Узкий каньон кишел ими: казалось, сами стены Паучьей Теснины ожили и сомкнулись вокруг беглецов шевелящимся хитиновым ковром.

Хельга шла в авангарде, как ледокол сквозь торосы. Эликсир Архимагистра Щура, кипевший в её крови вместе с яростью симбионта, заставлял её сердце биться с пулемётной частотой. От её разгорячённого тела в сырой воздух ущелья валил густой, горячий пар, пропитанный запахом сладкой ванили и свежей человеческой крови.

Её секира не знала пощады: удар справа — отрубленные суставчатые лапы летят в пропасть; шаг вперёд с полуоборотом — широкое лезвие сносит жвалы очередному хищнику; короткий толчок кинетической волной с левой руки — и два

паука, пытавшиеся зажать их в клещи, с грохотом сталкиваются лбами в воздухе, ломая друг другу панцири.

Мика за её спиной работал на пределе человеческих возможностей. От его обычной пьяной вальяжности не осталось и следа: мокрый от пота, с окровавленным лицом и безумным блеском в карих глазах, вор крутился волчком, отсекая кинжалом паутинные лассо, которые тянулись к ногам Хельги, и меткими бросками ножей выбивал глаза тварям, прыгающим сверху.

— Семь! Восемь! — задыхаясь, считал на бегу Мика, выдергивая свой нож из глазницы очередного издыхающего паука и чудом уворачиваясь от костяного серпа, который распорол ему рукав бордового дублета до самого мяса. — Госпожа Хельга, у меня спирт в фляжке кончился, а эти многоногие ублюдки даже не думают заканчиваться!

А из кармана Хельги, перекрывая лязг стали и шипение монстров, неслось яростное боевое командование Барона Корнеплода, которого при каждом взмахе секиры мотало из стороны в сторону, как матроса в двенадцатибалльный шторм:

— Правее бери, Картошечка, там урод с кривой лапой примеривается! Мика, сзади ползёт мелкий пакостник, руби ему усы! Ох, моя бедная кожура, если меня сегодня не сожрут, я точно превращусь в крахмальный кисель от такой тряски!

И в этот момент впереди замаячил выход из узкой тесни-

ны — широкая каменная арка, за которой виднелась круглая подземная зала. Но путь через арку был полностью перекрыт тройной завесой толстенных серебристых канатов паутины, а сверху на них уже пикировали сразу четыре огромных паука-стража, отрезая любую возможность проскочить с ходу!

Факел Мики потух, залитый густой паучьей кровью. Поджечь преграду было нечем.

Хельга на полном бегу поняла: если они сейчас врежутся в эту стальную сеть без огня, они увязнут в ней, как мухи, и через три секунды будут разорваны в клочья.

— Нагни голову, Мика! — крикнула она, не сбавляя скорости за пять шагов до липкой стены.

Хельга перехватила двуручную секиру обеими руками за самый конец древка и на бегу начала раскручивать её вокруг себя, одновременно срывая все внутренние предохранители со своего симбионта.

Сумеречная Орхидея под её сердцем вспыхнула ослепительным импульсом. Тёмная сталь секиры запела низким, вибрирующим басом, покрываясь густым серебристо-белым сиянием сжатого кинетического эфира.

Хельга сделала последний отчаянный прыжок вперёд прямо перед стеной паутины и четырьмя падающими сверху монстрами — и выпустила накопленную кинетическую бурю круговым взмахом!

Раздался звук, похожий на удар колокола, от которого со сводов каньона посыпались сталактиты. С лезвия секиры со-

рвалось широкое светящееся кольцо режущего воздуха. Оно прошло сквозь тройную завесу паутины и четвёрку летящих пауков, как раскалённая струна сквозь масло: канаты толщиной в руку лопнули со звоном порванных тетив, а разрубленные пополам хитиновые туши отшвырнуло обратно в теснину!

Пробив брешь, Хельга и Мика на полном ходу влетели под своды огромной круглой залы, кувырком прокатившись по каменному полу.

И тут же замерли, тяжело хватая ртом воздух.

Потому что из теснины мелких охотников они ворвались прямо в сердце гнезда.

Торнадо в логове Матки и жертва во имя любви

Это был древний, заброшенный перегрузочный зал гномьих рудников. Где-то на противоположной стороне огромной пещеры, за сотню шагов от них, темнели массивные кованые ворота с выбитыми рунами Кхалдаров — тот самый спасительный вход в вертикальные шахты под Кузнечным бастионом. Ворота были приоткрыты на узкую щель: Бледный проскочил туда совсем недавно, успев активировать за собой древний запорный ворот, который теперь с медленным, неумолимым скрежетом сводил полуметровые стальные створки вместе!

До полного закрытия ворот оставалось не больше двух минут.

Но между героями и спасительной щелью возвышался Курган Коконов — и то, что сидело на его вершине.

С потолка пещеры медленно, грузно, заставляя дрожать каменные плиты под ногами, спустилась Прародительница Глубин — чудовищная Паучья Матка.

По сравнению с ней те полуторасаженные твари в ущелье казались безобидными котятами. Матка была размером с двухэтажный купеческий флигель во Вратах Ворон. Её раздутое, бугристое брюхо пульсировало тусклым багрово-фи-

олетовым светом — казалось, за сотни лет жизни на стыке подземных рудников и Споровых Кущ она впитала в свой хитин саму породу аметистовых жил. Панцирь на её головогруди, усеянный обломками старых гномьих копий и мечей, застрявших в нём десятилетия назад, был толщиной с крепостную плиту. Двенадцать мутных глаз разного размера смотрели сверху вниз с холодным, древним голодом, а когда её полуметровые жвалы с лязгом гильотины сомкнулись, по залу прокатился порыв зловонного ветра.

Увидев это чудовище, даже Мика потерял дар речи, судорожно крестясь рукоятью ножа:

— Матерь всех воров… Госпожа Хельга, скажите мне, что это галлюцинация от потери крови! Да её даже осадной баллистой не пробьёшь!

А из-за пазухи Хельги высунулся бледный как мел Барон Корнеплод. Увидев двенадцать глаз гигантской паучихи, клубень нервно икнул:

— Знаешь что, Хельга… Я беру свои слова обратно! В «Слепом Горне» было мило! У Бабена в лавке было уютно! А вот теперь нам точно конец! Если эта штука на нас сядет, от нас даже мокрого места для анализа не останется!

Матка не стала ждать. С оглушительным визгом, похожим на скрежет тормозов целого поезда рудовозных вагонеток, многотонная туша рванулась на них, перебирая колоннами лап с ужасающей для своих габаритов быстротой!

Убить эту древнюю гору хитина двоим израненным бой-

цам было невозможно — на ней зазубрилась бы любая сталь. Единственным шансом было прорваться сквозь неё к закрывающимся гномьим воротам!

Начался настоящий ураган — безумное, кровавое «торнадо» на выживание.

Передняя лапа Матки — толщиной с вековой дуб — с гулом обрушилась сверху, метя раздавить Хельгу в лепёшку. Девушка метнулась вправо, и в том месте, где она стояла долю секунды назад, каменные плиты пола разлетелись вдребезги, подняв тучу каменного крошева!

Не давая чудовищу выдернуть застрявшую в полу конечность, Хельга взлетела по её бугристому коленному суставу вверх, как по ступеням, и со всего размаху обрушила светящуюся эфиром двуручную секиру на сочленение второй боевой лапы Матки.

Раздался оглушительный треск! Скрытая кинетика и метеоритная сталь пробили вековой хитин на стыке сустава, вырвав кусок панциря с тарелку величиной, но лезвие увязло в густой, липкой как смола чёрной плоти!

Матка взревела от ярости и боли и резким взмахом лапы стряхнула Хельгу вместе с секирой.

Девушку протащило по воздуху через ползала. Она жёстко ударилась бедром и раненым плечом о каменную колонну, чудом удержав древко оружия в окровавленных пальцах. Из уголка её полных губ потекла тонкая струйка алой крови, в глазах на миг потемнело от боли, а безупречная чёрная

одежда была в нескольких местах распорота острыми камнями и залита чужой сукровицей.

А Матка уже неслась прямо на неё, разевая чудовищные хелицеры, чтобы перекусить оглушённую воительницу пополам!

— Эй ты, восьминогая тёща! Сюда смотри! — отчаянно заорал Мика, бросаясь наперерез гигантской твари с другого фланга.

Вор на бегу сорвал со стены старый, но ещё полный кожаный бурдюк с гномьим ламповым маслом, висевший у разбитого подъёмника, раскрутил его и швырнул прямо в пасть Матки, а следом метнул свой последний нож с зажатым в рукояти кремнем!

Кремень ударил о камень на зубах паучихи, выбив искру. Масло вспыхнуло прямо в пасти чудовища!

Матка взвизгнула, ослеплённая вспышкой пламени во рту, и на секунду сбилась с курса, но слепым махом боковой лапы достала самого Мику. Острый костяной отросток прошёл по касательной вдоль груди вора, разрывая кожаный дублет и оставляя длинную кровоточащую рану на рёбрах. Мику отбросило к самым закрывающимся воротам гномов, где он рухнул на колени, зажимая окровавленную грудь рукой.

До смыкания стальных створок ворот оставалась узкая щель шириной в два плеча!

Хельга поднялась у колонны, опираясь на секиру. Она ви-

дела, что Мика ранен у самых ворот и не уйдёт без неё, а разъярённая, объятая пламенем у пасти Матка перекрыла весь проход между ними.

Нужно было всего одно мгновение — одна секунда, чтобы заставить эту несокрушимую тварь отшатнуться и открыть коридор для последнего рывка к воротам! Но все двенадцать глаз паучихи были прикованы к Хельге, а жвалы уже занеслись для броска.

И тут из разорванного ворота куртки Хельги на её здоровое плечо вскочил Барон Корнеплод.

Он понял: никаких камней или склянок под рукой больше нет. Остался только один снаряд подходящего калибра и идеальной обтекаемой формы.

Маленький клубень сунул обе корневые лапки в боковой карман сумки и вытащил оттуда бережно завёрнутую в кружевной платочек гладкую розовато-жёлтую картофелину из помойки. На долю секунды Барон прижал «подружку» к своей груди, трагически зажмурился и всхлипнул:

— Прости меня, любовь моя! Наш роман был коротким, но ярким! Мы не созданы для этой грязной жизни — лети к звёздам и спаси мою бестолковую хозяйку!

С этими словами Барон Корнеплод размахнулся со всей своей отчаянной картофельной силушки и с криком: *«Подавись моей личной жизнью, чудовище!»* — запустил розовую картофелину прямо в морду нависшей над ними Матки!

Попадание вышло ювелирным. Картофелина со смачным

чавкающим звуком влетела точно под костяной надбровный гребень самого крупного центрального глаза паучихи и намертво застряла между жёсткими хитиновыми шипами-ресницами, как пробка в бутылке, полностью перекрыв твари обзор и пустив по роговице едкий крахмальный сок!

У пауков не было век, чтобы проморгаться. Ослеплённая на главный глаз и совершенно сбитая с толку тем, что в её древнее чело прилетел неведомый корнеплод, исполинская Матка издала оглушительный визг ярости, вскинула передние лапы к морде, пытаясь выковырять застрявшую в шипах картофелину когтями, и отшатнулась на полшага в сторону — ровно настолько, чтобы под её брюхом открылся спасительный коридор к закрывающимся воротам!

— *Ничего себе я попал!* — сам обалдел от своей меткости Барон, хватаясь лапками за щёки. — *Хельга, беги, пока она глаза трёт, а то сейчас она нас точно на атомы расщепит!*

Дважды повторять Хельге не требовалось.

Собрав в кулак последние капли кинетической энергии симбионта, она сорвалась с места пулей. Земля под её высокими ботинками размылась в серую полосу.

Она пролетела прямо под нависшим, содрогающимся брюхом гигантской Матки! На бегу, не останавливаясь ни на долю секунды, Хельга провела поднятым вверх лезвие двуручной секиры вдоль нижней, самой мягкой части паучьего брюха, вспарывая его, как парус, на три локтя в длину!

Сверху хлынул настоящий водопад горячей паучьей кро-

ви и несплетённого жидкого шёлка, но Хельга уже выскочила из-под туши взбешённого монстра к самым воротам!

Створки из кованого железа с грохотом сходились — оставалась щель едва в полтора локтя!

Одной рукой Хельга на бегу подхватила за воротник окровавленного Мику, перебросила его через порог за ворота, как котёнка, и в последнюю долю секунды боком влетела в узкую щель сама, на ходу подтянув за собой древко секиры!

БАМ-М-М!

Многотонные гномьи ворота сомкнулись за её спиной с таким чудовищным звоном, что из стен посыпалась вековая пыль. А уже через секунду с той стороны в стальные створки со страшным ударом врезалась туша Паучьей Матки! Толстые железные листы выгнулись внутрь, затрещали пудовые заклёпки, из-под дверной щели брызнула ядовитая слюна, и донёсся яростный, бессильный скрежет когтей о непробиваемую гномью сталь.

За воротами было темно, сухо и пахло каменным углём и машинным маслом.

Хельга и Мика лежали на холодном гранитном полу старого шахтного шлюза, тяжело, с хрипом дыша.

Оба были с ног до головы покрыты грязью, копотью, собственной алой кровью и зелёной паучьей слизью. Левый рукав Хельги был превращён в лохмотья, но взгляд её зелёных глаз, устремлённый в сводчатый потолок, горел диким, несломленным торжеством выжившего хищника.

Мика с трудом повернул голову на каменном полу, сплюнул кровь, посмотрел на содрогающиеся от ударов ворота, а затем перевёл взгляд на Барона Корнеплода. Маленький клубень сидел на груди Хельги, скорбно опустив зелёный чубчик, и комкал в лапках пустой кружевной платочек.

— Слушай, Барон… — сипло, но с глубочайшим мужским сочувствием произнёс Мика, прижимая ладонь к окровавленным рёбрам. — Я снимаю шляпу. Отдать собственную женщину на съедение гигантской паучихе ради спасения друзей — такой жертвы я не видел даже в рыцарских балладах. Клянусь тебе памятью этой великой розовой героини: с сегодняшнего дня я больше ни кусочка жареной или варёной картошки в рот не возьму! Перехожу строго на репу и макароны. А по твоей молчаливой подружке я, честное слово, сам буду скучать как по родной!

— Не смей произносить её имя всуе, алкоголик бессердечный! — трагически шмыгнул носом Барон Корнеплод, вытирая глаз пустым платочком. *— Она ушла непобеждённой! Прямо в глаз этому чудовищу! Эх… а ведь у нас могли бы быть чудесные мелкие клубеньки к весне… Всё из-за твоих походов по пещерам, Хельга! Теперь ты обязана носить траур! Хотя погоди… ты и так вся в чёрном!*

Хельга медленно села на полу, морщась от боли в десятке новых ссадин и глубоком порезе на предплечье, и посмотрела вперёд, вдоль уходящего вверх ступенчатого тоннеля гномьей шахты.

Там, на первой каменной ступени, темнел свежий отпечаток подошвы Бледного. А рядом валялся оброненный в спешке кусочек свинцовой пломбы от его ларца.

— Отдыхать будем потом, — тихо сказала Хельга, поднимаясь на ноги при помощи древка своей верной секиры. — Этот тоннель ведёт прямо под главную плавильню гномов-Кхалдаров и нижние склады Торговой Палаты. И Бледный опережает нас всего на десять минут.

Глава 5
Жар гномьих горнов и зеркало Бледного

Кузнечный Бастион и оскорблённая эстетика

За многотонными стальными воротами удары Паучьей Матки постепенно стихли — ослеплённая крахмалом и истекающая густой гемолимфой из распоротого брюха тварь отступила обратно в туман каверны, зализывать раны.

Ступенчатый шахтный ствол вёл круто вверх. Здесь, за пределами дикой Бездны Корней, начиналась территория Кхалдаров — северных гномов-рудокопов и оружейников, которые ещё три столетия назад высекли свои подземные чертоги прямо в базальтовом основании Врат Ворон.

Воздух с каждой сотней ступеней становился суше и горячее. Сквозь запах векового камня всё отчётливее пробивалось ровное, ритмичное дыхание гигантских кузнечных мехов и гул расплавленного металла. Стены тоннеля были укреплены идеально подогнанными гранитными плитами с геометрическим орнаментом, а под потолком в чугунных корзинах ровно горели кристаллы каменного угля, пропитанные минеральным маслом.

Но Хельга шла по этому образцовому гномьему коридору в состоянии холодной, клокочущей ярости.

И дело было вовсе не в глубоком порезе на левом предплечье, который всё ещё неприятно ныл от паучьего яда, и

не в синяках от удара о колонну.

Дело было в том, во что превратилась её одежда и внешний вид.

Она опустила взгляд своих зелёных глаз вниз. Её любимая матово-чёрная водолазка на левом рукаве висела неровными, измочаленными лохмотьями. На плотных кожаных брюках и высоких ботинках засыхали буро-зелёные разводы вонючей паучьей слизи и чужой крови. А хуже всего было то, что в её идеально прямые, гладкие волосы цвета воронова крыла намертво впутался обрывок липкой серебристой паутины с прилипшим к нему кусочком серого мха.

Для Хельги, чья душа требовала безупречной чистоты и симметрии в каждой нитке, собственное отражение в полированной медной пластине вентиляционного щита на стене стало личным оскорблением.

Она резко остановилась посреди ступеней, поставила двуручную секиру к стене и достала из поясных ножен кинжал.

— Госпожа Хельга? — насторожился шедший следом Мика, хватаясь за рукоять трофейного тесака, который он подобрал у ворот. — Вы чего? Опять кто-то ползёт?

Хельга не ответила. Одним быстрым, хирургически точным движением лезвия она ровно, по самой линии плечевого шва, отрезала разорванный левый рукав своей водолазки, а затем — не задумываясь ни на секунду — точно так же под корень отрезала абсолютно целый правый рукав, превратив изуродованную кофту в идеально симметричную обле-

гающую чёрную безрукавку с высоким воротом, открывающую её стройные, точёные руки.

Следом она вытащила флягу с чистой водой, смочила платок и принялась с ожесточением оттирать прядь чёрных волос от паутины, а потом перебинтовала рану на левом предплечье чистой чёрной лентой — виток к витку, миллиметр к миллиметру.

Барон Корнеплод, сидевший в нагрудном кармане в состоянии глубокой вдовьей скорби, поднял на неё печальные глазки-бусинки:

— Я тут, понимаешь ли, лишился единственной родственной души, практически овдовел в расцвете сил, а она рукава под линеечку ровняет! Никакого сочувствия в этом отряде! Кстати, зря ты второй рукав отрезала — из него бы вышел отличный спальный мешок для меня на зиму!

— Молчи, Барон, ты сегодня и так герой дня, — уголками губ улыбнулась Хельга, но когда она убирала флягу обратно в сумку, её пальцы случайно скользнули по затянутому кожаному кисету, где лежал аметистовый осколок из спальни эльфийского посла.

И снова — уже второй раз после того, как она выпила эликсир Архимагистра Щура, — по её позвоночнику пробежала странная, сладкая дрожь. Сквозь плотную кожу кисета ей вдруг отчётливо почудилось мягкое фиолетовое тепло. Пальцы сами собой сжались на шнурке: внутренний голос шептал, что если она сейчас развяжет кисет и посмотрит

на благородный фиолетовый камень, вся усталость и боль от яда исчезнут без следа.

— Эй, Картошечка, ты чего опять зависла над этим мешочком? — тут же нахмурился Барон Корнеплод, подозрительно принюхиваясь к её ладони. *— От тебя после той серебряной микстуры доктора в горошек ванилью пахнет так, будто мы в чан с заварным кремом упали! Ну-ка убери руки от стекляшки, у меня больше нет запасных подружек, чтобы кидать их тебе в лоб для приведения в чувство!*

Хельга с усилием разжала пальцы и отдёрнула руку от кисета. Он прав. После глотка из флакона Щура сопротивляться тяге к фиолетовому цвету стало вдвое труднее.

— Идём, — коротко бросила она, подхватывая секиру. — До верхнего шлюза Кузнечного Бастиона осталось сто ступеней.

Мёртвая вахта и вторая капсула

Шахтная лестница упёрлась в массивную кованую дверь с гербом клана Кхалдаров — скрещёнными молотами над наковальней.

В обычное время у этого нижнего рудничного входа стояла смена из четырёх гномьих латников в тяжёлых пластинчатых доспехах с короткими алебардами. Но сейчас тяжёлая дверь была распахнута настежь, а из-за неё доносился равномерный, оглушительный гул работающих паровых молотов и рев плавильных печей.

Хельга шагнула за порог первой, держа секиру наготове, а Мика скользнул за её левым плечом.

Перед ними открылся Нижний Литейный Зал Кузнечного Бастиона — грандиозное подземное пространство, вырубленное в скале прямо под фундаментом Верхнего города. Внизу, в каменном котловане, клокотало озеро расплавленного чугуна и бронзы, от которого шёл нестерпимый багровый жар. Над огненным озером на толстых стальных цепях висели переходные мостки, огромные ковши-тигли и системы вентиляционных труб, которые гнали тёплый воздух вверх — для обогрева дворца Высшего Совета и палат Торговой Палаты.

Но у самого входа в зал, прямо на стальных плитах караульного поста, лежали четверо гномьих стражей.

Хельга опустилась на колено рядом с ближайшим кряжистым воином с рыжей бородой, заплетённой в две тугие косы.

Гномы не были убиты ядом — у Бледного оставалось всего две капсулы, и тратить их на простую охрану у входа он не стал. Их убили голыми руками и с такой чудовищной, нечеловеческой жестокостью, что даже видавший виды Мика побледнел и отвернулся, тихо выругавшись сквозь зубы.

Нагрудная стальная кираса старшего гнома толщиной в палец была проломлена внутрь одним прямым ударом кулака — рёбра под металлом просто вдавило в позвоночник. Второму караульному сломали шею вместе с кованым горжетом, третьего швырнули головой об чугунную станину ворота так, что раскололся рогатый шлем, а четвёртому перебили обе руки вместе с древком алебарды и сбросили за парапет на нижние трубы. Всё это было проделано меньше пяти минут назад, в полной тишине, под грохот работающих внизу автоматических паровых молотов, из-за которого кузнецы в дальнем конце зала даже не услышали схватки у шлюза.

На смятом нагруднике убитого десятника темнел отпечаток окровавленной ладони Бледного.

— Этот парень со свинцовым ларцом явно не заканчивал школу благородных манер… — глухо проговорил Мика, поднимая с пола обломок гномьей алебарды, срубленной как спичка. — Госпожа Хельга, если он мнёт кованую гномью броню как пергамент, то в узком коридоре один на один с

ним будет тесновато даже вашей секире. Куда он пошёл отсюда?

Хельга поднялась во весь рост. Её зелёные глаза в багровом отблеске литейного озера медленно проследили за цепочкой бурых капель, ведущих от трупов караульных не вниз, к работающим в дальнем цеху гномам-кузнецам, а вверх — по винтовой чугунной лестнице, которая поднималась к главной Вентиляционной Камере и Ледяным Фильтрам.

— Он пришёл сюда не ради гномов, Мика, — голос Хельги прозвучал натянуто, как тетива перед выстрелом. — Посмотри наверх, под самый свод зала. Видишь три широких медных раструба над мостом?

Мика задрал голову, щурясь от жара плавильни:

— Ну да. Это главные воздуховоды Верхнего города. Через них гномы подают очищенный воздух из подземных ледников наверх: левая труба идёт в залы Высшего Совета, средняя — в резиденцию главного рунного мастера Кхалдаров, а правая — прямо в закрытый банкетный зал Торговой Палаты, где сегодня вечером собираются все богатейшие купцы столицы во главе с вашей новой знакомой, графиней Де Аборжанц!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.